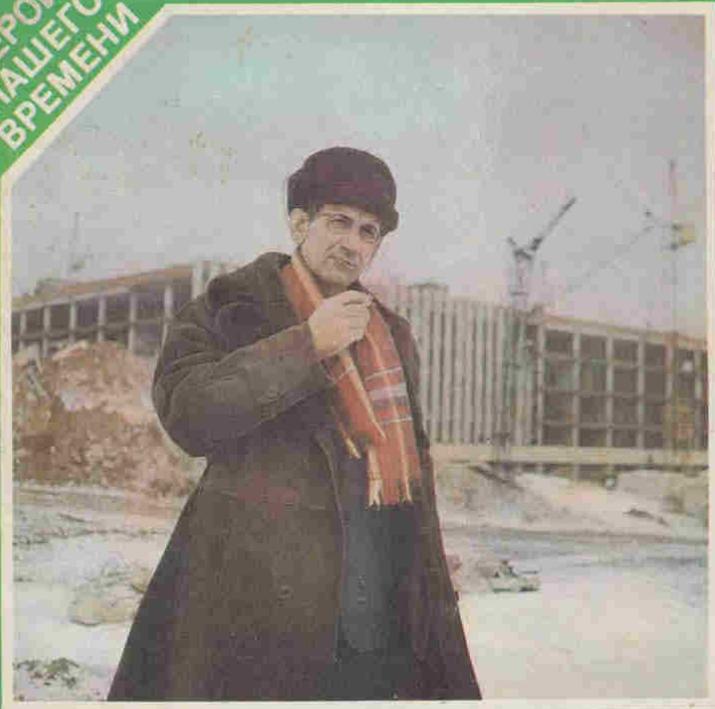

ВИТАЛИЙ
МАЛЬКОВ

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

ГЕРОМ
НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

*ВИТАЛИЙ
МАЛЬКОВ*

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

ПОВЕСТЬ О СМЕЛЫХ
И СТОЙКИХ ЛЮДЯХ,
КОТОРЫЕ ЖИВУТ И ТРУДЯТСЯ
ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Москва
«Детская литература»
1977

Оформление
Б. Шляпугина

Фото
А. Гершберга

М $\frac{70803-095}{М101(03)77}$ 293-77

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

К суровому закалу, унаследованному им от предков, прибавился закал трудного, тревожного детства, прошедшего в пору освоения новой земли.

Джек Лондон, Смок Беллью

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первое испытание. — Страницы семейной биографии. — Дуэль на берегу Дона. — От отца к сыну...

После двух ночных смен Зоя спала тяжёлым, каменным сном. Не проснувшись она и тогда, когда за окном вдруг что-то загрохотало, заухало, завывало. Покачнувшись стена, со звоном упал с тумбочки на пол будильник.

Владислав с опаской высунулся в окно. Небо заволакивало чёрным дымом, в редких просветах мелькнули зловещие тени самолётов. И снова заухало, загрохотало.

— Бомбят! — выдохнул Владислав.

— Чёртними, не первый раз,— устало сказала Зоя и снова потянулась было лечь, как совсем рядом что-то оглушительно грохнуло, с треском сорвало оконную раму, по полу посыпались стёкла.

— Вниз, скорее! — крикнула Зоя, окончательно стряхнув с себя сон.

Она схватила Владислава за руку, и они вместе побежали по лестнице, прыгая через ступеньку. А кругом всё рушилось, сыпалось, трещало. Такой бомбёжки они не помнили. Происходило что-то невероятное...

На улице столбом стояла едкая пыль, перемешанная с чёрной смолистой гарью. От дома напротив осталась лишь одна задняя стена, под ногами рассыпались мелко битые кирпичи. Люди кричали, метались, не зная, где искать спасения.

А фашистские самолёты заходили на город волнами. Они методически бомбили квартал за кварталом, дом за домом. Гулкие взрывы доносились со стороны Тракторного и «Красного Октября».

Владислав с ужасом узнал в лежавшем прямо на мостовой человеке их старого соседа — инвалида-столяра. Рядом валялся его круглый деревянный чемоданчик с инструментами. Зоя подбежала к нему, перевернула, ахнула, закрыв рот рукой.

— Бежим, бежим! — заторопилась она.

За углом дымился опрокинутый трамвай. Второй вагон был начисто разворочен бомбой. И вокруг валялось что-то красное, страшное...

Прячась в развалинах, короткими перебежками пересекая улицы, они выбрались к Волге. Там уже было полно людей. Одни пытались сесть на переполненные катера, другие на лодках и на наскоро сбитых плотках пробовали перебраться на левый берег. С рёвом проносились

над ними фашистские самолёты. Бомбы рвались у самой переправы, пулемётные очереди хлестали по толпе беззащитных людей. На середине реки пылал большой пароход...

Зоя обняла брата:

— Я — на завод. Пережди в огородах. Перебирайся на тот берег. Там встретимся...

Это случилось душным днём 23 августа сорок второго, когда запылал Сталинград и на его подступах заскрежетали вражеские танки. Владиславу было тогда пятнадцать...

Он понимал, что здесь, у причалов, ни за что не раздобыть даже самой никудышной лодки. И он вспомнил о давнишнем знакомом отца, с которым тот ходил когда-то на рыбалку. Дядя Саша служил бакенщиком, жил одиноко в маленькой хибарке на берегу реки, в стороне от людных мест. В своё время брали они с отцом на рыбалку и маленького Владислава. Дядя Саша должен помочь. Не может так быть, чтоб не помог!

Кашляя и задыхаясь от стелившегося по земле дыма, то и дело натываясь на чей-то брошенный скарб, пробрался Владислав на окраину города. Бомбы рвались и здесь, но всё же тут можно было укрыться от осколков в неглубоких овражах.

Неожиданно Владислав столкнулся с невесть откуда взявшейся своей учительницей — Анной Степановной. Волосы её были растрёпаны, рукав блузки разорван. Она прижимала к себе годовалую дочурку и смотрела на Владислава, крепко сомкнув запёкшиеся губы.

— Пойдёмте вместе, будем лодку искать! — выкрикнул он, боясь, что она его не услышит.

Они подоспели как по заказу. Дядя Саша гремел железной цепью лодки, куда уже были брошены вёсла и черпак.

— Садитесь быстрее! — только крикнул старик, ни о чём не расспрашивая...

Владислав усадил учительницу на нос лодки, сам сел на вёсла, а старику жестом показал на руль. И странное дело, все неволью подчинялись ему, как пятнадцатилетнему капитану. Только здесь был не парусный корабль, родившийся в романтической фантазии Жюль Верна, а утлая лодчонка и кругом шла самая реальная война. Сейчас, в эти минуты, решался вопрос: жить им или погибнуть.

Лодка быстро отошла от берега. Владислав грёб частыми, глубокими гребками, стараясь держать чёткий ритм. Управляться с лодкой он научился давно — недаром жил на Волге. Он знал, что скоро предстоит борьба с мощным течением реки, но силы не берёт — главное было уйти от берега.

Не прошли и полсотни метров, как лодка дала течь.

— Держи руль, дядя Саша! — крикнул Владислав и схватился за черпак.

Пот заливал ему глаза, но он не давал себе передышки. Отсюда, с реки, было видно, что весь город окутан чёрным дымом и над ним, как хищные птицы, всё кружили и кружили вражеские самолёты.

Вниз по течению, покачиваясь, плыли раздувшиеся трупы людей.

Владислав снова взялся за вёсла. Всё дальше и дальше уходила хибарка дяди Саши, всё труднее становилось грести. Владислав заметил, что течение уже сносит их вниз.

Над самой лодкой проревел самолёт со зловещими крестами на крыльях. Через плексиглас кабины на мгновение глянуло остроносое лицо фашистского лётчика.

— Конец! — охнул старый речник.

Владислав почувствовал, как взмокли ладони, а по спине побежал противный холодок. Лодка медленно наполнялась водой. Тогда схватил Владислав черпак и стал бешено вычерпывать воду. Не отступать, не дрейфить! Так учил его отец, который всегда умел держаться до последнего, не сдаваться даже тогда, когда, казалось бы, уже нет надежды на спасение...

Вот в такие моменты проверяется характер, выясняется, какая тебе цена, из какого ты теста. Можно было опустить руки в ожидании гибели. И тогда бы она неизбежно пришла — если не от фашистской пули, то от страха, растерянности. Наполнилась бы лодка водой, и ни за что не выплыть бы им из сильного волжского течения. Фашист снова шёл на лодку. Бросив черпак, Владислав сделал несколько сильных гребков в расчёте, что немец промахнётся. А он, проревев моторами над самыми их головами, ушёл к городу. Видно, кончились патроны. Повезло...

Они ещё долго боролись с течением, медленно пересекая реку. Владислав уже перестал чувствовать ладони — они вспухли и превратились в сплошной кровоподтёк. Плакала девочка, но Анна Степановна не успокаивала её. Остановившимися глазами смотрела она на город, где бушевало пламя, продолжали ухать тяжёлые разрывы. Молча сидел на руле дядя Саша... Наконец нос лодки ткнулся в берег, словно щетиной поросший жёстким кустарником.

Их приняла бойцы воинской авиационной части. Учительницу с девочкой и старика сразу же отправили в тыл, на сборный пункт беженцев. С Владиславом они не успели даже и попрощаться как следует. С тех пор никогда не встречались. Но, может быть, в семье учительницы ещё и сейчас рассказывают, кому обязаны мать и дочь своим спасением...

Владислав наотрез отказался от отправки на сборный пункт. Упросил командира: оставили его пока в части. Сыном полка.

Да, характер у Владислава Серикова оказался отцовский. Мальчик плохо помнил отца, которого не стало за несколько лет до начала Великой Отечественной войны. Но Владислав много знал о нём, потому что в семье о Пахоме Федотовиче рассказывались легенды.

...До революции был Пахом Сериков батраком. В гражданскую служил в знаменитой Чапаевской дивизии. Смелый, находчивый,

от природы одарённый живым, пытливым умом, он быстро выдвинулся в число командиров. Дали ему под командование ни много ни мало — полк. В обозе шла за мужем мать Владислава. В те тревожные годы родилась старшая его сестра — Зоя.

Отец был человеком отчаянной храбрости и неукротимого нрава. Однажды белоказаки обманом захватили его и ещё нескольких большевиков в плен. Повели ко рву на расстрел. Чубатые, крест-накрест перепоясанные ремнями, в фуражках с высоким околышем, метились казаки из винтовок в раздетых до нательного белья пленных. Уж конечно, казалось, не миновать смерти. Но и тут Пахом Сериков не растерялся, не дал страху овладеть собой. За долю секунды до залпа опрокинулся он спиной в ров, а на него попадали тела расстрелянных. Заготовали пьяные казаки, пальнули ещё в яму для верности, но и на этот раз пуля миновала Пахома. Кое-как забросали казаки яму и ушли.

Страшная тяжесть навалилась на Пахома. В рот лезла земля, он задыхался. Но хватило у него сил и выдержки, чтобы выждать, пока уgomонятся пьяные казаки в селе, и только тогда, уже ночью, раздвигая тела убитых товарищей, стискивая зубы от душившей его ярости, выбрался он из братской могилы. Пряный воздух ударил ему в грудь, и на мгновение потерял Пахом сознание. На осеннем холоде, в одном белье пролежал до рассвета он под крутояром, у самого берега Дона. А как развиднелось, кинулся в ледяную, уже тронутую первой коркой воду реки. Не помня себя выбрался он на другой берег и упал на руки подошедшего сюда красного патруля.

Доставили Пахома Федотовича в штаб. И надо же такому быть совпадению — оказался там его брат Михаил. «Кто такой?» — строго спросил брат. «Не узнаёшь? — улыбнулся разбитыми губами Пахом. — Ну, гляди получше». Вгляделся Михаил в его лицо, задрожал весь, обнял. А не узнал он брата потому, что за ночь стала голова у Пахома белее снега... Михаил всю жизнь прослужил в армии, достиг звания генерал-лейтенанта, в Отечественную занимал высокий командный пост в системе противовоздушной обороны Ленинграда...

Мать рассказывала Владиславу ещё одну удивительную историю об отце.

Стоял его полк против отборного полка белых. Кричал ему в рупор обнаглевший полковник: «Эй, красный лапоть, давай один на один биться!» Взъярился отец, помчался в Реввоенсовет армии. «Так и так, говорит, донял беляк. Нет никакого терпения. И на бойцов Красной Армии действует он разлагающе. Не трус же, в конце концов, красный командир! Прошу разрешить принародный поединок!» В Реввоенсовете на отца накупились: «Тебе что, революция — рыцарский турнир, что ли?» А отец не унимается. «Поймите, говорит, мой отказ бойцы как трусость расценят, как предательство». Уломал Пахом Федотович начальство,

разрешили ему драться. Что говорить, небывалый случай в истории гражданской войны!

И вот с двух сторон заговорили рупоры: вырабатывались условия поединка. Договорились так. Оба полка выстраиваются друг против друга. Ни одного выстрела с обеих сторон. Сражаться на саблях, насмерть. Если сломаются сабли — на пистолетах.

Встали полки лицом к лицу. Молодой чванливый полковник в шубе с бобровым воротником выехал на белом коне. Сбросил шубу, выхватил клинок из ножен и картинно кинулся в атаку. Сталь врубалась в сталь, кони крутились, как в цирке. А по небу бежали тёмные грудастые тучи, будто и там, в небе, сошлись на буйных конях отважные наездники в смертельном поединке.

Полетели наземь сломанные клинки, ринулись противники друг от друга. Грянули первые выстрелы. Над полем боя стоял рёв голосов — обе стороны подбадривали сражающихся. Пуля сшибла шапку с головы Пахома. Нет, беляк, не возмѐшь! Снова гремят выстрелы. И повалился с коня полковник... Отцу за этот поединок досталась от Реввоенсовета награда — золотой портсигар с надписью «За храбрость».

Вот так, больше по рассказам матери, и знал Владислав Пахомович Сериков своего отца. Но он помнит его сильные руки, острый, горячий взгляд. Отец был суров. Даже мать побаивалась его. Но Владислав своим мальчишечьим сердцем чувствовал, какая огромная человеческая доброта глубоко запрятана за этой суровой внешностью, за годами выработанной привычкой командовать...

Пахома Федотовича в тридцатые годы назначили директором треста совхозов в Сталинградской области. Сутками не бывал дома, всё гонял на трестовской «эмке» по хозяйствам, разбросанным на десятки километров друг от друга, со всей страстью большевика-чапаевца налаживал новое дело, ставил на крепкую основу ещё непривычную в те времена форму сельскохозяйственного производства.

В редкие дни, когда оставался он дома, сажал Владислава к себе на колени, гладил тяжѐлой ладонью жѐсткие вихры и говорил:

«Главное теперь, сынок, учиться. Нам всю науку с тобой пройти надо, а то ведь так на задворках и останешься...»

Однажды отец привѐз из очередной командировки дрожащего, поскуливающего щенка. Сам кормил его молоком из соски. Когда Джек подрос, стал брать в поездки по совхозам, даже самые дальние.

Почувствовал Владислав, какой богатой душой обладал его отец. Потому что тот, кто верен своей привязанности, кто опекает малого и слабого, кто любит «братьев наших меньших», не может быть дурным человеком. Этим во многом и выверяются людские качества. Разве можно, например, отнестись с полным доверием к человеку, который ударил ногой собаку, выбросил на улицу котѐнка или ради забавы разорил птичье гнездо, разворошил муравьиную кучу?

Может быть, сам того не зная, преподал отец сыну урок доброты, потому что начинается она с малого.

Потом, спустя многие годы, пройдя большой жизненный путь, одолев трудные препятствия, которые далеко не всякому под силу, Владислав Пахомович Сериков ощущал благотворное отцовское влияние, его умение быть твёрдым и бескомпромиссным в деле, мягким и великодушным к тем, кто нуждался в его помощи.

И ещё очень важное усвоил Сериков от отца. Ему запомнилось, как тот сказал однажды матери:

«Вот мы всё торопимся. Спешим завтракать, спешим на работу, потом — домой. Думаем, что в один прекрасный момент сядем, успокоимся и начнём делать главное... Нет! Человек не должен размениваться на пустяки, на суету никому не нужную, а должен всегда заниматься главным своим делом. А то так получится: сядешь, успокоишься и вдруг выяснишь, что время-то ушло, за главное браться уже некогда...»

Владислав Пахомович не раз размышлял над этими словами отца. И приходило чёткое понимание того, что нет ничего на свете дороже, чем время. А как его остановишь? Это ведь только у Гёте в «Фаусте» вышло, и то — на одно мгновение. Как известно, кончилось всё это очень скверно... Значит, надо реально смотреть на вещи, по-земному. В первую очередь — выработать в себе пунктуальность. Никогда и никуда не опаздывать. Тем более, что если опоздал, значит — украл время не только у себя, но и у тех, кто тебя ждал, значит — нарушил ритм работы, не успел сделать то, что намечалось. Вот тут-то и начинается суета, спешка, делается всё кое-как, лишь бы успеть...

Отцовская наука стала для него непреложным сводом жизненных правил. Он ничего не откладывал на потом. И в школе и когда пошёл работать. Знал твёрдо: не сделаешь дела сразу — оно потянется за тобой хвостом.

Отец никогда не читал ему скучных нравоучений. Но приучал к аккуратности, к обязательности строго и жёстко даже в самых малых мелочах. Стоило Владиславу оставить крышечку от зубной пасты незакрученной — нагоняй от отца. Влетало ему по первое число, если не убрал кровать, бросил в угол портфель с учебниками, не положил на место взятую с книжной полки книгу, не повесил в шкаф куртку, придя с улицы. Зато как она пригодилась потом, эта отцовская наука, когда ему самому пришлось стать руководителем и наставником большой бригады в Заполярье, где всякий пустяк, любая небрежность могли обернуться большой бедой.

Если мать — это всегда первая тебе заступница, к которой прибежишь за помощью и лаской, даже давно миновав отроческие годы, то настоящий отец — это воплощение надёжности, силы, семейной прочности, неизменный пример для подражания.

Кто знает, в какой момент, каким случайным словом или жестом

Герой Социалистического Труда
Владислав Пахомович Сериков.

заронит отец в твою душу нечто такое, что навсегда войдёт в твою кровь и плоть, что составит часть твоего существа. Сильные, добрые отцовские руки, зоркие и требовательные глаза, веское, справедливое мнение — всё это дорого тебе и важно, с этим отцовским мнением ты соизмеряешь свои поступки.

Чем же определить влияние отца на всю последующую жизнь сына? Да, наверное, тем, каким стал сын, каким заповедям следует, чего достиг в своей жизни. Пахом Федотович Сериков мог бы гордиться сыном. Наука не отступить пошла ему впрок.

Пример отца сослужил свою добрую службу Владиславу Пахомовичу Серикову. Теперь он, прославленный герой трудового фронта, формулирует это так:

«Очень важно, чтобы отцы сеяли хорошие семена в душах своих детей. Будь ты академик, народный артист, но если ты не сумел воспитать своих детей трудолюбивыми и честными — жизнь прожита напрасно...»

Не напрасно в этом смысле прожил свою жизнь Владислав Пахомович. Он никогда не баловал ни сына своего Владислава, ни дочь Аллу. Повсюду они следовали за ним, разделяя невзгоды кочевой палаточной жизни. Главное, что переняли они от отца и деда — это твёрдость характера, умение не отступать, штурмовать свою цель до полной победы.

Сын окончил педагогический институт (сделал то, о чём в своё время мечтал и сам Владислав Пахомович), женился. Пришёл срок служить в армии. Что и говорить, приятно было отцовскому сердцу, когда из воинской части стали приходить армейские газеты, письма от командования, в которых писалось: отлично служит Владислав-младший!

Всё поняв, всё оценив, посвятил сын отцу полные любви строки:

Палатки, потом — дома.
Потом — на асфальте следы.
И вот — отражаются города
В звезде на твоей груди.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Солдатские будни. — Его призвание — строитель. — В тундре высаживается десант. — Дайшь Заполярный и Аларечинск! — Золотая Звезда. — Палатка в Мурманском музее

Серикову не пришлось долго учиться. Но поговорите с ним — и вы сразу почувствуете, как много знает этот мужественный человек, как легко и свободно разбирается в экономике, философии, литературе. Придите к нему домой, и первое, что вы увидите, — это шкаф, битком набитый книгами. Это его университеты. А главное — умеет он мыслить широко, государственными масштабами, смело заглядывая в будущее. Но об этом речь впереди.

Сериков считает, что с армией ему не повезло. Призвали-то его только в конце войны. Он проходил действительную службу и очень досадовал, что не довелось ему

В. П. Сериков — частый гость
городской библиотеки.

отомстить за разрушенный Сталинград, за всё, что дорого было сердцу. Ох, как хотелось ему потолковать по душам с тем самым фашистом-лётчиком, который тогда, в незабываемый день 23 августа, как хищник, высматривал добычу из кабины!..

Служить Серикову пришлось в тех местах, где ходил когда-то со своей дивизией легендарный Чапай и сражался полк, которым командовал отец Владислава.

Исправно служил Сериков. По всем показателям шёл среди первых, был, как говорят в армии, «отличником боевой и политической подготовки». И вдруг переменялся. Заметили командиры, что уж очень часто стал проситься солдат в увольнительную. То в городе вроде сестра объявилась, то как будто мать приехала — словом, всё дела да случаи. Скоро догадались, в чём секрет. Влюбился Сериков. Всерьёз и по-настоящему. Женился. Разве уж тут хватит короткой солдатской увольнительной? Дело-то молодое, и стал Владислав хитрить. Но однажды чуть было не попал в серьёзную неприятность.

Решил он как-то, стосковавшись по молодой жене, отправиться а самовольную отлучку. Под вечер подтащил к высокой стене, огораживавшей территорию воинской части, несколько пустых ящичков и недолго думая перемахнул на другую сторону.

Надо же такому случиться: проходил там в тот самый момент полковник, командир части. Так у него брови вверх и полезли, когда перед ним очутился неизвестно откуда свалившийся солдат. А Сериков вскинул руку к пилотке и, чуть играя своими цыганистыми глазами, молодецки отрапортовал:

— Рядовой Сериков по вашему приказанию явился!

Ещё больше оторопел полковник.

— Как так — по моему приказанию? Никаких приказов я тебе не давал... И почему через стену?

— Сказали, срочно полковник требует! — не смутился Сериков.

— Ах, срочно... — улыбнулся полковник и строго добавил: — Ну что ж, теперь давай обратно. Тем же путём. Срочно. А не впрыгнешь — на «губу» на десять суток...

Сериков аж взмок от такой малоприятной перспективы. Он уж не помнит, сколько времени карабкался на гладкую, отвесную стену. С той-то стороны ему ящички помогали, а тут — ни камешка под ногой. Полковник терпеливо ждал. Наконец, совсем запарившись, как на полевых учениях, уцепился Сериков за крохотный выступ на гребне стены и последним усилием перекинул тело на другую сторону. Плехнувшись на ящички, он услышал:

— Молодец! Хороший солдат!

Потом Владислав не раз задумывался о своём поступке. И чем больше думал, тем муртнее становилось на душе. Вот накажи его полковник, посади на пресловутую «губу» — по молодости лет считал бы себя солдат чуть ли не героем. А тот преподал ему предметный урок: мол, совершил дурной поступок, сам и исправляй. Если ты умный человек, то поймёшь, в какое унижительное положение

себя ставишь, словно вор, карабкаясь через стену. Да ещё где — в армии!

Сериков был умным человеком. Хорошо понял урок своего командира. С тех пор он и помыслить не смел о «самоволке». Неловко было в глаза смотреть полковнику.

... Демобилизовали Серикова в 1951 году — в те времена сроки службы могли растягиваться... Поселились они с женой у тётки. И уже рос у них маленький сынишка — Владислав-младший.

Пригласили демобилизованного солдата в военкомат:

— Как жить дальше будешь, Сериков? Где работать хочешь? Или учиться пойдёшь?

— Работать. Я человек семейный, — ответил Владислав Пахомович.

Предложили ему работу с длинным и мудрёным названием: «старший инструктор пропаганды массовой работы областного комитета ДОСААФ». Получил Сериков в своё распоряжение старый канцелярский стол, заляпанный чернилами, кипу инструкций, отпечатанных на ротاپринте, и... зубную боль от этой однообразной, безрадостной работы.

Затосковал Сериков. Не мила ему была такая жизнь. Его приводили в уныние каждодневные бумажки, начинавшиеся одинаковыми словами: «В целях дальнейшего повышения...», не радовали похожие друг на друга вечера в домашнем кругу.

Нет, не таким он представлял себе своё будущее после службы в армии! Владислав мучительно искал выход из положения, ломал голову, прикидывал так и этак, но ничего путного изобрести не мог. Однажды подумал: а не построить ли новый дом? Собственный, большой и прочный...

Как человек быстро увлекающийся, Сериков взялся за дело, не откладывая в долгий ящик. Он рьяно принялся за приобретение строительных материалов — купил шифер, цемент, гвозди и много всякой всячины. Взялся за рытьё котлована под фундамент. Но однажды, сидя на крыльце и покуривая едкую самокрутку, вдруг понял, что никогда не сможет стать благополучным домовладельцем, что не усидеть ему за тёткиными блинами.

Со злостью раздавил ногой самокрутку, пошёл к дому. И вдруг задержался у окна: по радио передавали нечто такое, что заставило его ловить каждое слово. А речь шла о первых отрядах добровольцев, уезжавших на большое государственное дело — на целину.

Вот оно — то, что было ему нужно! Большое, государственное!.. Есть где приложить энергию и талант... А в успехе он не сомневался ни одной секунды.

Тут же побежал к соседу:

— Купи у меня все стройматериалы. Уезжаю...

Тот изумился, но с радостью сразу выложил деньги.

— А далеко ли едешь?

— На целину, — коротко ответил Сериков. Потом хитро улыбнулся и добавил: — Там, говорят, синие птицы продаются.

Перед началом смены

В Уральском горкOME получил Владислав Пахомович комсомольскую путёвку и поехал на строительство совхоза «Берёзовский».

На целине жили в холодных, продуваемых вагончиках. А зима в Западном Казахстане лютая, бурная, не всегда пробивались в бездорожье автомашины с продуктами в их временный посёлок, воду возили бочками. Но самое тяжкое — это работа. В голой степи отрывали снег, долбили мёрзлую землю. Коченевшие на пронизывающем ветру, полуголодные, они всё же построили для новосёлов пятнадцать домов, заложили основу будущего богатого совхоза.

Тогда Сериков по-настоящему ощутил, что такое рабочая дружба, какова цена тому, что мы называем трудовым героизмом. Ведь в этой стуже и неустроенности можно было спастись, удрать с попутным транспортом в места поуютнее. Так и делали слабые, и оказалось, что дрейфовали именно те, кто больше всех кричал об энтузиазме, бил себя

кулаком в грудь. А как закрутили тугими жгутами январские метели, поубавилось пыли у краснобаев. Воровски, прихватив котомки, сбежали они со стройки. Но таких было немного. Бригада Серикова крепко вцепилась в эту неприступную, злую землю и упорно делала своё дело.

Встояли самые сильные. Вместе с ними проходил школу мужества Владислав Пахомович Сериков. Человек широкого ума, острой наблюдательности, он делал для себя важные выводы. Он понял, что, для того чтобы руководить коллективом таких разных людей, порой с нелёгкими судьбами, надо хорошенько приглядеться к ним, изучить их характеры, уметь так расставить рабочих, чтобы один помогал другому. Только тогда будет действовать бригада, как хорошо отлаженный механизм. И надо быть настоящим педагогом, потому что никуда бригадиру не деться от сложных, иногда мучительных обязанностей воспитателя. Постепенно, исподволь накапливал Сериков этот жизненно необходимый опыт. Потом, спустя несколько лет, сослужил он ему неоценимую службу...

Почти год работал Сериков на строительстве целинного совхоза. Кажется — не такой уж большой срок. Но сколько вместил в себя этот год, ставший увертюрой строительной биографии Серикова! Он не задумывался о славе, никогда не гнался за рублём. Но что-то влекло его в неизведанное, влекло властно, неодолимо.

После целины двинулись они с женой и сыном на стройки Бокситогорска. И снова — неустроенная жизнь в бараке, «неважный мокроуют»... Собственно, и барак-то их жилище назвать было трудно. Надо, скажем, Серикову стрельнуть сигарету у соседа, — для этого вовсе не обязательно выходить в коридор и стучаться к нему в комнату. Можно просто крикнуть: «Вась, дай закурить!» — и Вася прямо через щель между досками перегородки протянет сигарету.

Но, конечно, это не главное. Была здесь большая и интересная стройка, где и начала складываться будущая знаменитая бригада. Именно тогда пришли в неё те, кому суждено было составить костяк коллектива: трудолюбивый, безотказный в работе Анатолий Кожевников, горячий, увлекающийся Георгий Николаев, рассудительный, спокойный Анатолий Ломанов и многие другие ребята. И никто не знал, какой славой через несколько лет загремит бригада, какие удивительные дела предстоит совершить им всем вместе.

Сериковым вскоре дали квартиру. Уютную, добротную, светлую. Живи, наслаждайся жизнью! Плещайся после тяжёлого рабочего дня в тёплой ванне, а потом заваливайся, плотно поужинав, на диван с газетой или подрёмывай у телевизора. Словом, живи, как все добрые люди. Но именно этого и не мог Сериков. Однообразный, размеренный образ жизни был чужд его мятущейся натуре, жаждавшей чего-то необыкновенного. И когда в 1957 году прозвучал на всю страну призыв ехать на стройки

Севера и Востока, он объявил жене:

— Едем в Заполярье!

Она не удивилась и не упрекала его. Знала: он увлечён главным делом своей жизни. Да и сама Лина Александровна уже была заражена неукротимой страстью движения, поисков, жадной вечной новизны. Она научилась не унывать, когда приходилось уж очень туго, мириться с вечной нехваткой чего-то необходимого, стирать бельё на морозе и не жаловаться, если в продуктовой палатке не оказывалось сахара и соли. Так и не успев привыкнуть к новому своему гнезду, семья собралась в дальний путь...

Как десантники, высадились в Мурманске Сериков и семнадцать его парней. Почти всю свою бокситогорскую бригаду уговорил Владислав Пахомович двинуться на Север. Теперь им предстояло начать совсем новую жизнь в неприветливых, суровых краях, где надо было привыкать к полярному дню длиной в полгода и яростному, сковывающему морозу полярной ночи.

Мурманск, этот заполярный город, от самого названия которого так и тянет арктической стужей, поразил их своей красотой и необычностью. Он развернулся амфитеатром на берегу скалистого синевато-свинцового залива, а по спокойной водной глади двигались в разные стороны большие корабли, юркие катера и густо дымящие пароходики. У причалов подняли в небо свои стальные руки порталы, краны, в белых каскетках, как стражники, стояли вдаль сопки.

Они молча смотрели на этот суровый и величавый в своей мужественной красоте город, не пустивший врага на советскую землю. Это было единственное место, где во время войны вражеские дивизии так и не смогли перейти государственную границу.

Чем встретил их этот заповедный край, столь далёкий от шумных городов и милых сердцу спокойных деревень?

Перед ними предстала тундра, поросшая низким кустарником, голые скалы, холодные блюдечки озёр и огромное синее небо. Будто приколоченный к небосводу проектор, светило, не давая тепла, солнце, земля чуть курилась белёсым паром. На них набросились несметные полчища мошкар, которая бесцеремонно лезла в рот, забивала глаза и занудно гудела, толклась, словно пыталась изгнать из своих владений непрошенных пришельцев.

Да, двукрылые пираты — поистине бич здешних мест. Комары и слепни, как «мессершмитты», пикируют на разгорячённые тела и причиняют своим жертвам немалые страдания. Даже крупные звери — олени, лоси, медведи — ищут спасения от летучих жалающих тварей на открытых продуваемых местах, погружаются в воду. Говорят, что в тайге комары ведут себя куда любезнее, а здесь, в тундре, в дни короткого лета они словно торопятся получить своё. Зато и птиц в тундре в это время видимо-невидимо: для них тут богатейшая столовая-самобранка — обилие ягод и насекомых.

Сурина природа Заполярья...

В тундру перебираются летом дикие и домашние олени и их лесные братья-великаны — сохатые. А вслед за ними неотступно идут извечные их враги и санитары — волки...

Вот в каком краю оказался строительный десант Серикова. И была какая-то своя неизъяснимая прелесть в этом застывшем, непривычном пейзаже. Может быть, захватил он их своей первозданностью, а может быть, тем, что они вдруг почувствовали себя здесь первопроходцами, как казаки Ермака Тимофеевича, проложившего России тропу на неведомых землях. Поняли они в эти мгновения, что отступить тут некуда и уж коли взялись они за ещё не прибранную к рукам тундру, то им это и делать, не сдаваться, не пасовать. Здесь, в горбчатых сопках, заявить им истории, что пришли сюда не трусы, а потомки тех, кто сумел покорить Сибирь и Аляску, кто не побоялся стужи Ледовитого океана, кто не жалел себя во славу Отечества.

Кольский полуостров... Русские люди издавна прознали о его несметных сокровищах. Летопись рассказывает, что уже в XIII веке сюда твёрдо ступила нога посланцев Великого Новгорода. Потом в этих краях побывало множество экспедиций, постепенно налаживались экономические связи. Кольский полуостров входил в орбиту хозяйства русского государства.

Освоение севера страны в основном приходится на советские годы. Очень много было сделано одним из виднейших деятелей Коммунистической партии, Сергеем Мироновичем Кировым, для того, чтобы поставить на службу народу богатства Кольского полуострова — фосфаты, минералы и их соединения. Уже тогда было ясно,

что перспективы использования этих богатств поистине неограниченны.

В начале тридцатых годов в Мончетундру выехала группа советских учёных во главе с А. Е. Ферсманом. Это была группа разведчиков, которым предстояло здесь многое выяснить и научно определить. На склоне горы, у верхней границы полярного леса, грохнул взрыв динамита. Приникнув к осколкам медно-никелевой руды, академик Ферсман воскликнул:

— Конец тебе, дикарочка! Здесь будет город заложен!

Фраза эта прозвучала в пустынной тундре как шутка. Все рассмеялись. А академик рассердился:

— Не смейтесь! Здесь будет народ, будет город, и яхты будут ходить, и в теннис люди играть будут!

С тех пор минуло сорок пять лет. На этом самом месте, где прозвучал одиноко взрыв динамита, красуется город Мончегорск, один из центров медно-никелевой промышленности...

А страна продолжала уделять самое пристальное внимание этому невозделанному краю. На полуостров буквально хлынул поток научных, геологических и всяких других экспедиций. Зарегистрировано более 600 минералов, содержащихся в горных его хранилищах. Это значит, что Кольский полуостров богаче по минеральным запасам Южного и Среднего Урала, Алтая, Карелии. Самые богатые залежи фосфатов, редчайшие соединения меди, железа, никеля и других металлов с серой, самородное серебро, фиолетовый аметист, крупнейшие щелочные массивы — Хибинский и Заозёрский, — всё это Кольский полуостров. И овладеть всем этим гигантским достоянием — дело не одного поколения...

Строительный десант начал своё наступление на тундру с развилки дорог на крайнем северо-западе Заполярья с пометкой «41-й километр». Там, за сопками, совсем рядом, начиналась Норвегия. Чуть западнее — советский посёлок Никель, а с северо-востока дыбились замшелыми спинами отроги хребта Муста-Тунтури.

Так исторически совпало, что именно отсюда, с 41-го километра, 10 октября 1944 года начали своё неукротимое наступление на врага части Советской Армии. Стальные солдаты 126-го стрелкового корпуса совершили тогда по горным кручам и коварно затаившимся под ледяной коркой болотам беспримерный обходный манёвр. Они вышли в тыл фашистским захватчикам и мощно ударили в направлении порта Лиинахамари.

В этих местах во время Великой Отечественной совершили свой подвиг и олениводы. На оленьих упряжках доставлялись в войска боеприпасы, прямо на передовую. На оленях проводились и разведывательные рейды по глубоким тылам врага — бесшумные, быстрые животные оказались на войне незаменимыми...

Да, эти свинцовые сопки, серая, стылая тундра обильно политы кровью. И на этой земле спуска десять лет после великой победы

началось новое наступление советского человека: в 1955 году здесь был заложен город Заполярный. В долине Пильгу на левобережье реки Печенги обнаружены медно-никелевое месторождение.

В те дни, когда высадились здесь десант Серикова, на берегу Печенги стояло лишь несколько палаток да наспех сколоченных бараков. Первый каменный дом только начинали строить. Вот в такое неприветливое и мало что обещающее место угодили десантники. Только это нисколько не остудило их, а наоборот, вызвало азарт.

И вот в апрельские дни 1957 года бригада — а это уже действительно был коллектив, способный на многое, — пробовала непокорную, вздыбившуюся каменными валунами землю. Разве не понимали они, что их ждало? Но они сами хотели этого, увлекала и обстановка, в которой оказались, и то дело, которое им, простым ребятам, доверило государство. Тут и предстояло им самим создать для себя строительную базу, чтобы потом, когда будет завершён этот необходимый цикл, перейти на основную площадку будущего комбината.

... Побежало навстречу долгой зиме мимолётное полярное лето. Они привыкали жить в брезентовых палатках, забывать о том, что существуют на свете завтраки, обеды и ужины, бороться с табачным голодом и делать вид, что они — самые счастливые люди на свете. И росли в скалах их первые постройки — котельная, деревообрабатывающий цех, гараж, склады...

Незаметно и скоро прикатила осень. Оглянувшись кругом, увидели они поистине прекрасное зрелище. Солнце уже не казалось холодным проектором, оно светило ясно и щедро, освещая тёмно-оранжевые ягоды вызревшей низкорослой рябины, ослепительно жёлтые купы прильнувших к земле тощих берёзок, сочную зелень мхов и кокетливые лиловые горжетки лишайников на гранитных скалах. Голубели озёра, словно спорящие своей бирюзой с самим небом. И теперь они не казались такими холодными и неприветливыми. Во всю широту горизонта, не жалея красок, потрудился главный художник планеты — природа...

А потом наступила полярная ночь. Пришла лютая, крутонравая зима, запуржила, завьюжила, ударила по щёкам сорокаградусными морозами. А жить нужно было в брезентовых палатках, промерзавших насквозь, и после тяжёлой, изнурительной смены отогреваться у «буржуйки», глотая нестерпимо горячий, но живительный чай...

В первую свою полярную зиму увидели они великое чудо земли — северное сияние. Причудливые волны света разливались по небу. То синее в зелёных и жёлтых полосах покрывало колыхалось над головой, то вдруг, образуя вертикальные линии, выстраивался световой забор и неожиданно исчезал, как неоновая реклама. И было такое удивительное световое представление, будто сама Снежная королева заиграла юбками в волшебном танце в этом померкшем северном небе...

Перерыв.

Нет, они не жалели о том, что сами, добровольно взяли на себя тяжкую ношу.

Им было трудно, можно было спасовать, но они не жаловались на трудности, ни один не разуверился в начатом деле, не пошёл на попятную. Каждый сдавал здесь экзамен на прочность перед самим собой и все вместе — перед бригадиром. А Сериков прекрасно понимал, что только его собственный пример может стать надёжной гарантией крепости этого маленького, оказавшегося в труднейших условиях коллектива. Когда уж очень донимала мошка, он скидывал с себя фуфайку.

— Мы что, слабей комаров? — кричал он товарищам. — Плюй на них и песню пой!..

И он заводил песни иной раз самые неожиданные в тех условиях, но как нельзя кстати разряжавшие обстановку, вносящие дух бодрости и веселья... А что может быть дороже весёлой шутки тогда, когда и шутить не хочется?

В самые трудные минуты мелькал в руках у Серикова мастерок; он увлекал за собой приунывших, а нужно было — хватал лом и крушил вековой камень. Он видел, что у кого-то из бригады прохудились резиновые сапоги, и тут же отдавал товарищу свои — целые, а сам надевал худые. В продирающие насквозь морозы люди, не выдержав, бежали обогреться и перевести дух в будку, служившую им бытовкой. А он, преодолевая себя, думая о своих ребятах, оставался в траншеях и продолжал орудовать ломом. Это был труд истовый, самозабвенный, который требовал от каждого полной самоотдачи.

Так прошло два с половиной года. Две полярные зимы и три лета. Пришло время, когда основные сооружения рудника вступили в строй и можно было браться за главное, ради чего все долгие месяцы терпели они лишения, прогрызали твёрдые, как железо, скалы.

Как работали они здесь, где на сотни километров и живой души не встретишь, где в котловане проступала болотная вода и тут же превращалась в ледяную броню? Они жили в простой брезентовой палатке, часто довольствовались сухомяткой. Арктика дышала на них морозом в 43 градуса, ненамного «теплее» было в палатке — тридцать. Но никто не ныл и не жаловался. Таков был неписанный закон в бригаде.

Настал день, когда в монолит фундамента крупнейшего в Европе горнообогатительного предприятия была заложена бутылка с запиской: «Сегодня, 11 сентября 1959 года, члены бригады В. Серикова — Александр Бобров, Михаил Виноградов, Анатолий Дерягин — положили первый бетон в основание Ждановской обогатительной фабрики».

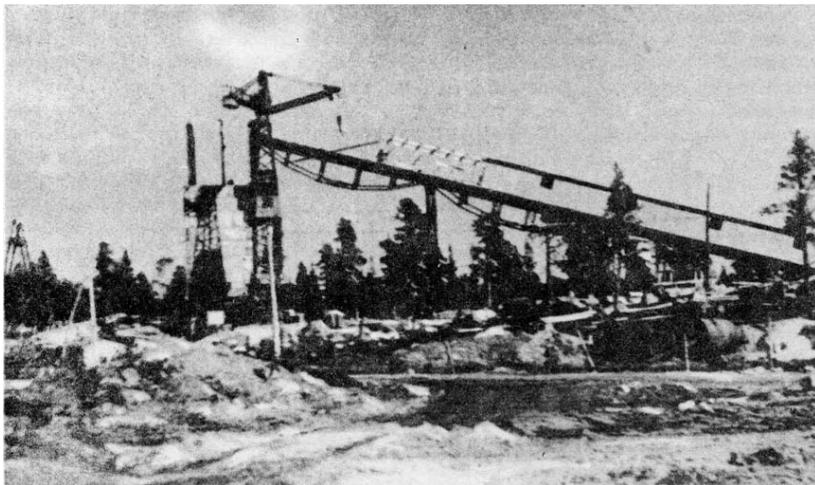
Заполярный уже становился городом. Теперь ему требовались не только предприятия и жильё, но и кинотеатры, клубы, рестораны. Бригаде Серикова поручили строить кинотеатр «Юность», которого так ждали жители только что родившегося города. По плану полагалось строить кинотеатр двадцать три месяца. Владислав Пахомович и его товарищи взялись завершить сборку в небывало короткий срок: за десять месяцев. В управлении только улынулись: что, мол, за фантазия? Но это была не фантазия, а точный расчёт, помноженный на сознание важности строящегося объекта и на боевой азарт, которым бригадир умел заразить своих товарищей.

Люди толпами стояли у строительной площадки и подбадривали:

— Давай, давай, Пахомыч! Когда кино смотреть будем?

Ох как нужен был людям этот кинотеатр! Куда денешься вечером после работы в новом, строящемся городе? И потому ждали открытия кинотеатра, как большого и радостного события. А тут — обескураживающая депеша: облицовочного кирпича нет, а посему сдача объекта переносится на следующий год. «Как это так — нет кирпича? — возмутились строители. — Нельзя переносить стройку на следующий год! Как мы людям в глаза смотреть будем?» И послал Владислав Пахомович

Здесь в каменистых сопках строится
Ждановский горно-обогатительный комбинат.

одного из самых верных своих помощников, Бориса Борисова, в Мурманск: поезжай, объясни, выбей. И «выбил» Борисов! Через несколько дней доставили в Заполярный два вагона кирпича.

Работали истово, торопились. Но не забывали ни на минуту, что строят кинотеатр, а не склад, что всё здесь должно радовать глаз. Сами вносили в проект свои детали, чтобы будущее здание выглядело празднично, нарядно. Так, одну из стен не полагалось облицовывать. Выложить её обычным красным кирпичом? Уныло. А если белым, силикатным? Больница. И тогда кто-то из ребят предложил: соединить два цвета. Заиграла красками стена!

За три дня до Нового года собрал Сериков бригаду:

— Хлопцы! Моем полы. Завтра сдаём кинотеатр государству.

Придирчивая комиссия приняла кинотеатр с оценкой «отлично», а бригада вручила городским властям гарантийный паспорт: за качество работы ручаемся! Построили кинотеатр за восемь месяцев — почти втрое быстрее, чем спланировали проектировщики, Так был установлен всесоюзный рекорд.

Перед демонстрацией первого фильма состоялось городское торжественное

собрание. В президиуме почётное место занимал Владислав Пахомович Сериков. Он и многие члены бригады за это строительное чудо были награждены Почётной грамотой Совета Министров СССР. А в кинотеатре «Юность» до сих пор на каждый сеанс бронируются два места — для Серикова, хоть он уже давно живёт с семьёй в Мурманске. Доброе дело не забывается.

В стройтресте поняли, какую силу набрала бригада. Чуть где прорыв, «горит» объект — бросают её туда с полной уверенностью: выручат, спасут положение. Так повторялось много раз. И не было случая, чтобы бригада не выполнила задания.

В первой пятёрке важнейших строек Российской Федерации значилась мощная электропечь в городе Никель. Ввод её в эксплуатацию сулил немалую прибавку ценнейшего полуфабриката цветной металлургии. За ходом стройки пристально следило правительство.

Бригаду направили в Никель. Это было почётнейшее задание, но трудности невероятной.

Сначала нужно было соорудить наклонную транспортную галерею к печи. Но легко сказать — соорудить. Её нужно было буквально «протащить» через пространство в верхней части плавильного корпуса. А работать здесь можно было только с «сосками» — гофрированными противогазными трубками, потому что тут облаком стояли газы, продукт перерабатываемого сырья. И если кто не надевал «соску», грозила беда: сразу начинал душить кашель, глаза застилало, сознание мутилось. С тридцатиметровой высоты в этом случае недолго было свалиться. Поэтому бригадир строго-настрого запретил появляться на площадке без этих самых окаянных «сосок», которые, конечно, причиняли людям неудобства, но всё же служили гарантией безопасности.

На стройку приехал молодой инженер из треста — Игорь Федосьевич Шупа-Дуброва. Этот общительный большеглазый парень пришёлся Серикову по нраву. Он отлично разбирался в строительном деле, прекрасно знал его экономику, и его волновали те самые вопросы, которые давно не давали покоя и Владиславу Пахомовичу. Оба они ломали голову над тем, как усовершенствовать организацию труда, поставить строительное дело на прочную экономическую основу, избавиться от неисчислимых потерь, нависающих над каждой стройкой, больно бивших по карману государство. Потому-то Сериков быстро нашёл с инженером общий язык.

Здесь, в Никеле, они вместе прикидывали и так и этак, как подступиться к транспортной галерее, чтобы сделать её быстро, с наименьшей затратой сил. В палатке Серикова проходило короткое заседание «штаба» бригады.

— По проекту галерею надо делать из монолитного железобетона,— задумчиво сказал Сериков,— Но попробуй-ка в этих газовых облаках сбивать деревянную опалубку, потом начинать её арматурой, по бадейке заливать бетон... Трудно и долго! Кто что думает по этому поводу?

— Может быть, попробовать сборный железобетон? — предложил Игорь Федосьевич. — Откажемся от монолита и будем собирать галерею по частям.

— Тоже нелегко, но, наверное, лучше. Как, ребята? — спросил Сериков.

— Со сборным, ясное дело, проще, — кивнул Степан Кондрусик. — Но тут технологию надо продумать.

— Правильно. Потому что тут возникает одна трудность, — сказал инженер. — Ведь кран подаёт плиту весом в четыреста килограммов только в одну точку. А как эти плиты перемещать на большой высоте по всей длине галереи?

— Лебёдкой! — горячо откликнулся Жора Николаев. — Так и будем их растаскивать по всей длине.

— Ну что ж, — весело заключил Сериков, — мы всё можем!

И они построили галерею. Намного раньше срока. Потому что верили в свои силы, верили в бригадира, который не переставал всех удивлять своей самоотверженностью. Он не уходил с площадки по две смены да ещё поздно ночью принимал прибывавшие строительные материалы — кирпич, железобетонные детали, цемент. Он здорово исхудал, высох, но налились крепкие, как железо, мускулы.

Сколько их было — примеров настоящего героизма! Однажды загорелись леса, сложенные внутри котельной. А на них лежали два огромных кислородных баллона. С секунды на секунду мог прогреметь страшный взрыв. Не раздумывая, в котельную бросился Жора Гулашвили. Видно, в такие минуты у человека удесятерятся силы, приходят в действие какие-то моральные и физические резервы, о которых в обычной обстановке люди не подозревают. Как говорил сам Жора, просто так он ни за что бы не поднял эти баллоны — силёнок бы не хватило. А тут буквально за две-три минуты вытащил их из огня — спас стройку от тяжёлой аварии!

А Лёша Антоненков? Кончались в бригаде железные костыли. Дело грозило остановкой работ. Послали Лёшу на автомашине за сотню километров добывать костыли. Приехал на место — никого не оказалось ни на складе, ни в кузнице. Нет, не мог он вернуться в бригаду без костылей. Всю ночь сам ковал их на наковальне, а утром вернулся с нужным запасом.

Анатолий Кожевников, оступившись, упал в обжигающе ледяную воду. Его тут же вытащили, но он буквально на глазах стал покрываться

Идёт стройка. Люди и техника.

белой коркой, как водолазным костюмом. Кто скинул ватник, кто шапку, кто сапоги. Одели Анатолия во всё сухое. Сериков приказал: бегом на базу! Побежал Анатолий, а через час вернулся: я, говорит, пробежался по морозцу и вроде ничего, согрелся. И пошёл на своё рабочее место, будто ничего и не случилось...

Это были простые, ничем не примечательные будни.

В бригаде действовал закон, рождённый настоящей мужской дружбой: один за всех — и все за одного! Именно поэтому каждый спешит на помощь товарищу, никто не печётся о своих мелких интересах, а в первую очередь думает о других, обо всей бригаде. Именно поэтому никто из них не гнушается самой неблагоприятной работой. Надо рыть траншеи — все берутся за лопаты и ломы, убрать мусор — и все дружно принимаются убирать. Это коротенькое словечко «надо» действует сильнее всяких приказов.

В 1961 году бригаду бросили на новый важный участок — на берега озера Ала-Аккаярви. Тут, близ финской границы, начиналось строительство медно-никелевого рудника.

И снова, как десантники, они высадились в глухом, диком месте. По деревьям бесстрашно прыгали белки, с удивлением кося круглым глазом на пришельцев, нежданно нагрянувших в их лесные чертоги. Развернули печи крахмальные сосны, а в зелёных подушках мха выставили навстречу нежаркому северному солнцу свои кокетливые красные шляпки красавцы подосиновики...

Весь остаток лета готовилась здесь бригада к штурму норовистой и бурной реки Алы. Она перекачивалась с водопадным шумом через гладкие каменные глыбы как раз там, где надлежало быть руднику. Ведь там и таились медно-никелевые сокровища. И было нужно закрыть выход реки из озера и сделать другой, а для этого — пробить в гранитных монолитах канал и в конце его соорудить ряжевый перепад: каскад широких ступеней, по которым речная вода двинется по новому руслу в долину.

Перед бригадой Серикова, брошенной на этот узловый участок, была поставлена чёткая боевая задача: обуздать Алу и сделать это непременно до весны, потому что летом здесь образуется сплошная топь. Не справься строители с заданием — пуск рудника задержится ещё на год. И ценное сырьё поступит на службу людям с опозданием. Такого хороший хозяин допустить не может.

Зима налетела внезапным снежным бураном, нависла над землёй чёрными, непроглядными тучами, всё сковала броневой ледяной коркой. На 44-градусном морозе лопнул ковш экскаватора. Каменистый грунт пришлось выбирать вручную, орудуя двухпудовыми кувалдами. А морозы всё набирали и набирали ярости, словно испытывая этих неугомонных, дерзких людей. Даже на портянках нарастал лёд...

Начальником строительного участка поставили Игоря Федосьевича Шупа-Дуброву. И это радовало Серикова, потому что очень важно,

На Аларечинском руднике готовятся к взрывным работам.

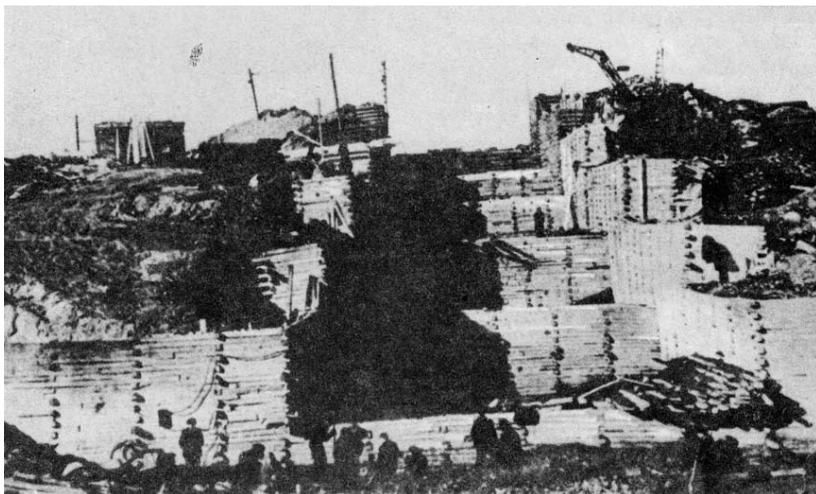

чтобы люди хорошо понимали друг друга. В Никеле они успели крепко сдружиться, обрести то самое взаимное понимание, которое рождает творческие идеи. А интересная идея хоть ещё тогда не оформилась полностью, но уже приобрела вполне реальные очертания.

Дело было в том, что на всех участках, где приходилось работать бригаде, она, по существу, с начала и до конца вела весь строительный цикл. С начала и до конца — это было главное! В этих условиях бригада может выступать не в роли пассивного исполнителя работ, а творческим коллективом, самостоятельным подразделением, способным решать самые сложные задачи. Но для этого требовалась новая организация труда и новая система его оплаты. Там, на берегах свирепой Алы, зрела увлекательная идея, которая потом, подкреплённая экономическими расчётами и инженерной разработкой, получила теперь широкоизвестное название метода бригадного подряда в промышленном строительстве.

Ала-речка... Большой след оставила она в жизни Серикова. Как назвать нечеловеческий труд Серикова и его побратимов в условиях полярной

Ещё один фотодокумент. Строительство Аларечинского рудника Ждановского горно-обогатительного комбината ведёт бригада В. П. Серикова.

ночи? Есть только одно слово для его оценки: героизм. Героизм удивительный, ни с чем не сравнимый. Наверное, справедливости ради можно назвать героями и американских покорителей Клондайка, так красиво и интересно описанных Джеком Лондоном. Но героизм героизму рознь. Землепроходцы Лондона — это герои для себя, люди, одержимые золотой лихорадкой. А какая «лихорадка» гнала Серикова в тундру? Жажда обогащения и славы? Вот уж нет! Его поступками, всей деятельностью за Полярным кругом руководило единственное желание — быть полезным. Может ли что-либо быть благородней? И счастлив тот, кто находит удовлетворение именно в своей полезности людям. С внутренним духовным счастьем не может сравниться никакое материальное благополучие. Худо, когда человек только и думает, как бы загрести побольше, купить то да это. Становится он рабом вещей и всю жизнь свою отдаёт накопительству. А вот Сериков не стал рабом вещей. Они служат ему, а не он им. А главное — он создаёт то, что будет служить людям

Герои Аларечинского рудника. Этот снимок сделан для доски Почёта.

не один десяток лет. В этом — его счастье, его гордость...

На непокорной Ала-речке работать пришлось в три смены, потому что останавливаться нельзя было ни на минуту. Беда подстерегала на каждом шагу. Когда удалось снять верхний заледеневший слой грунта на месте будущего ряжевого перепада, строителей ожидал сюрприз: обнаружился водонасыщенный слой земли — коварный, труднопреодолимый пльвун. Если остановиться, мороз намертво схватит всё. Тогда придётся снова долбить ледяной панцирь. Но самое-то страшное было в другом. Снизу всё время проступали подпочвенные воды, вспучивали землю, и слой наледи непрерывно увеличивался. Поэтому и требовалось непрерывно выбирать грунт. Круглые сутки. Так и делали, укрываясь лишь на несколько минут от мороза в маленькой деревянной будке.

Вынули они более двух тысяч кубометров грунта. В управлении не поверили: не может быть, чтобы люди сделали столько. Не стали закрывать наряд — очковтирательство, приписки! А секретарь райкома партии Игорь Александрович Никишин,

Так ведутся сварочные работы.

не раз бывавший на стройке, сам подписал наряд и сказал:

— Эти люди — герои! За два месяца они сделали столько, сколько в таких условиях делают за полтора года! Слава им!

А слава их и в самом деле всё росла и росла. Что ни объект — то новое достижение, новый шаг в развитии строительного дела, новое торжество их мастерства и трудолюбия. Теперь уж и не упомнить всех «узких участков», куда бросали бригаду на прорыв — на выручку.

... На Аларечинской стройке монтажники заканчивали сборку каркаса одного из главных корпусов комбината. На 36 метров поднялся в сопках этот огромный корпус, сверкали голубой россыпью искр огни электросварки в металлическом переплетении ферм.

Бригадир всё чаще задумывался над тем, как вести кладку стен. Владиславу Пахомовичу стало ясно: без верхолазов не обойтись, потому что на большой высоте надо будет вести и сложный монтаж, и сварку, и леса ставить. Словом, надо обращаться в трест за опытным подкреплением. А в тресте своих верхолазов не было; значит, надо приглашать их либо из Ленинграда, либо из Москвы... А может быть, попытаться всё же одолеть самим необычную кладку?

Снова короткое совещание в бригадирской палатке. И снова горячится Жора Николаев:

— Сами, конечно, сами! Только давайте продумаем систему безопасности.

Стали думать. И нашли простое, но очень надёжное решение: приваривать друг над другом скобы к вертикальным стойкам у стены, а через скобы пропускать прочный прут из двадцатимиллиметровой арматурной стали. На этом пруте и крепятся страховочные пояса, давая в то же время рабочим свободу действий.

Монтажники работают на самой стене, а цепи предохранительных поясов, закреплённые на карабинах, перебрасываются через металлический прут. Тут уж никак не свалиться со стены. К этому приспособлению не смогли придаться даже самые строгие

Снимок на память о незабываемом 1958 году.

инспекторы по технике безопасности. Оно оказалось простым, надёжным, удобным. Не потребовалось приглашать иногородних верхолазов, отпала необходимость в лесах, А уж это — нешуточная экономия!

Первым на высоту поднялся Жора Николаев. С ювелирной точностью, конечно с помощью крана, поставил он на места сорок тяжёлых блоков, а за ним потянулись и другие. Не отставать же от товарища! И снова намного раньше, чем ожидали в тресте, бригада завершила эту огромную и сложную работу, сберегла крупную сумму народных рублей. Их поздравляли в торжественной, праздничной обстановке...

Формируя бригаду, Сериков исходил из неременного условия успеха: профессиональная универсальность каждого. Любой член бригады должен уметь и каменную кладку вести, и земляными работами не брезговать, и опалубку делать как положено, и монтировать блоки, готовить металлическую арматуру, и с бетонными работами справляться. Универсальность каждого придаёт это качество бригаде в целом,

Фото из архива. Так выглядел Владислав Пахомович Сериков в период строительства Заполярного.

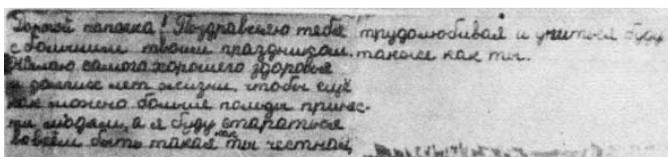
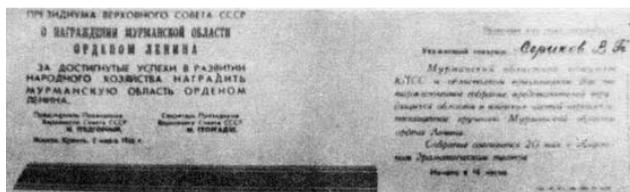
а в результате открывает перед ней немалые возможности для экономии самого главного — времени.

Бригадир в первую очередь сам показывал пример такой универсальности и жёстко требовал этого от других. Впрочем, только поначалу требовал, потому что очень скоро все ребята отлично поняли, как это здорово — быть мастером на все руки, всё мочь, всё уметь! Они законно гордились, что их бригада всегда впереди, что в ней выработка на каждого растёт заметно быстрее, чем у других.

... После тяжёлой Аларечинской стройки вернулись они в Заполярный, который показался им чуть ли не столичным городом: здесь их ожидал городской комфорт.

Однажды вечером, отдыхая дома, Сериков прилёг на кровать с книгой. Мать хлопотала на кухне — она уже давно переехала к сыну. По радио передавали последние известия. Вдруг вскочил Владислав Пахомович, потому что услышал из репродуктора слова, которые имели к нему самое прямое отношение. Спокойно и торжественно диктор сообщил, что Владиславу Пахомовичу Серикову за его самоотверженный труд

На одном из стендов Мурманского краеведческого музея — поздравления В. П. Серикову с присвоением звания Героя Социалистического Труда.

присваивается самая главная награда страны — звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот».

Вошла мать. Взволнованный, он проговорил одними губами:

— Мама, мне звание Героя Труда дали...

Мать медленно села на стул, заплакала:

— Вот, сынок, значит, прославил ты нашу фамилию. Как отец...

А буквально через несколько минут к Сериковым прибежали первые поздравляющие. Вскоре гостей набилось полный дом. Ликовала бригада, радовались, праздновали все друзья и знакомые Владислава Пахомовича. Люди шли непрерывно — даже Игорь Федосьевич Шупа-Дуброва побился поздравить своего друга только на третий день.

Пришла телеграмма: срочно выехать Серикову в Мурманск для получения высшей правительственной награды. Вручать будет член Политбюро, секретарь ЦК партии Андрей Павлович Кириленко.

Владислав Пахомович прибыл в Мурманск. И тут

Одна из многочисленных почётных грамот бригадира.

возникла неожиданная проблема: одет был знаменитый бригадир совсем не по-геройски: в тёмный старенький пиджак и серые, выдавшие виды брюки. Сказать по правде, в тундре он совсем не следил за модой...

Стали искать ему костюм. Только на его высокую, худую фигуру ничего подходящего в магазинах города не нашлось. Что делать? Шить? Но вручение награды — уже через сутки. Тут даже портной из сказок братьев Гримм не поможет. Решили так: взяли костюм, который был Серикову велик, и отдали в лучшее ателье со строгим наказом: за ночь подогнать по фигуре,

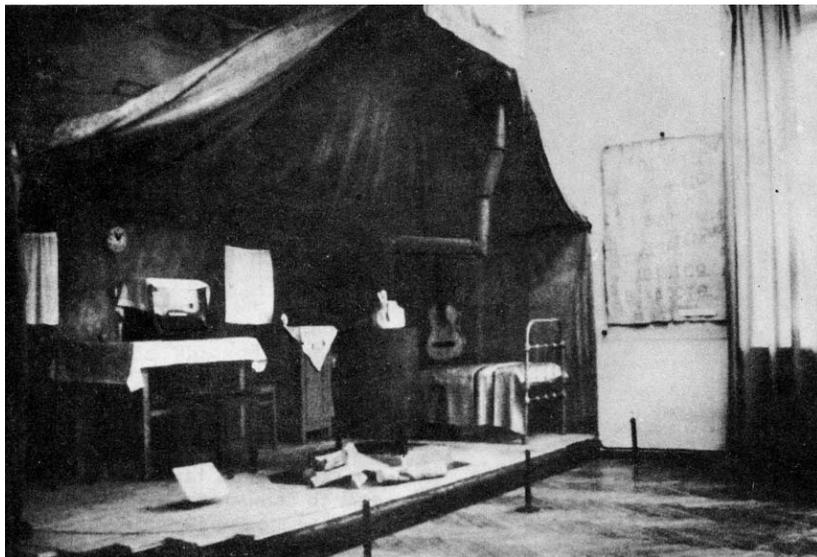
На торжественное вручение явился Сериков в элегантном тёмном костюме, в ослепительно белой рубашке с красивым галстуком.

Крепко пожал секретарь ЦК руку герою-бригадиру, обнял, сердечно поздравил. А Владислав Пахомович, никогда в жизни так не волновавшийся, поблагодарив за щедрую награду Родины, сказал:

— Да, были невзгоды. Палатки, лютый мороз. Но если всё повторить сначала — я готов. Готовы и мои товарищи.

И это были не пустые слова. Потому что ни один из семнадцати его парней не дрогнул в борьбе с Арктикой. Бригада росла, пополнялась новыми людьми, иные из них, бывало, уходили, не выдержав установленной бригадиром железной дисциплины и боевого порядка, но эти семнадцать так и оставались рядом со своим вожаком. И если требовалось, они на ходу могли освоить новое дело, проявить недюжинную рабочую смётку, чтобы найти выход из, казалось бы, безвыходных положений. Так стали многие из них верхолазами, когда того потребовали обстоятельства. Так стали крановщиками Степан Кондрусик и Владимир Герасимов, два неразлучных друга-автомобилиста. Не пасовать, не сдаваться — этому учил Серикова отец. Тому же учил своих сотоварищей Владислав Пахомович. А весь опыт жизни в Заполярье учил их и другой серьёзной науке: держаться друг за друга, быть такими же твёрдыми в достижении цели,

Вот она, та самая палатка, в которой жила бригада В. П. Серикова, когда начинала строить город Заполярный. Теперь палатка — экспонат Мурманского краеведческого музея.

как скалы Кольского полуострова. Поэтому, наверное, и стали лозунгом бригады, её жизненным кредо бодрые, оптимистические слова Серикова: «Мы всё можем!»

Нельзя не упомянуть в связи с этим ещё об одной важной детали в жизни Владислава Пахомовича того периода. Там, в тундре, живя в палатке, ухитрился он ещё заочно окончить школу. Наградили тогда Серикова почётной грамотой и преподнесли подарок за усердие — настольную лампу. Она ещё долго служила ему верой и правдой...

Нынче в Мурманском краеведческом музее выставлен необычный экспонат. Это палатка, в которой жила бригада Серикова в первые годы строительства Заполярного. Всё здесь так, как было тогда. Железная печка-«буржуйка», протёртые в локтях рабочие фуфайки, висящие на гвозде, резиновые сапоги у входа, покрытые одеялами раскладушки. Кажется, вот-вот откинется полог палатки и войдут сюда крепкие,

прокопчённые и промороженные ребята с заиндевевшими бровями...

Да, всё почти так, как было тогда. Только не воеет над палаткой свирепая метель, а стоят здесь в музейной тишине экскурсанты и пытаются себе представить, а что же испытывали там, в тундре, эти стальные люди, не побоявшиеся вступить в единоборство с самой Арктикой? Это о них, вписавших свою яркую страницу в историю освоения Заполярья, сложил стихи поэт:

Глухие края обживём,
Палатки поставим в музей,
И улицы мы назовём
По имени наших друзей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сериков идёт на риск.— «Старички» собираются снова. — Всё держится на волоске. — Плохо ли работать хорошо?— Знакомьтесь: Фёдор Иванович Соляник

Наверное, нет ничего удивительного в том, что именно в бригаде Серикова впервые зародилась мысль работать по методу бригадного подряда в промышленном строительстве. Потому что Сериков, как мы уже убедились, из той породы людей, которые не умеют ходить проторёнными путями. Да и сама жизнь настойчиво требовала поумнее строить работу, так, чтобы и люди хорошо зарабатывали, и государство было в прибыли.

В чём заключалась идея Владислава Пахомовича? Бригада берётся за сооружение объекта на договорных началах, обязуется построить его в определённый срок с нулевого цикла и до сдачи госкомиссии, то есть с самого начала и до конца. Берёт на себя бригада заботу и о правильном, хозяйском расходовании материалов, о наиболее эффективном использовании техники. А уж если коллектив справился с делом раньше положенного срока да ещё исхитрился материалы сберечь, башенные краны передать на другие объекты раньше установленного времени — вот тут и получай, бригада, по расчёту: то, что по плану намечено плюс обозначенный в договоре процент от прибыли, то есть премию. Прямая экономическая выгода и государству и рабочему!

Внешне подрядная бригада вроде бы и не отличалась от обычной. И план у неё, и те же формы соревнования, и так же подчиняется управлению. Но труд в такой бригаде приобретает иное содержание.

Во-первых, подрядная бригада целиком берёт на себя ответственность за сооружение объекта. Обычная бригада, как правило, выполняет лишь определённый этап работы. Её могут «бросить» на нуль, а потом переводить на любые другие объекты по усмотрению управления. А уж с подрядной бригадой дела иные: с первой траншеи под фундамент и до символических ключей для сдачи госкомиссии — вот главное условие её работы.

В чём тут суть? А в том, что подрядная бригада становится не просто более или менее многочисленным отрядом,

Первая подрядная бригада. В Мурманске она в короткие сроки возвела Южную теплоцентраль.

которым управление распоряжается, как ему требуется в данную минуту, а хозяином строительной площадки, так сказать, «совладельцем» всего строящегося объекта. Ведь бригада на сей предмет заключает договор с тем же управлением, а в этом документе чётко определено, какими силами и средствами возводится объект, сколько требуется материалов, каков срок сдачи. Вот тут и открывается для людей энергичных и смекалистых широкий простор действий: толково используй технику, экономя материалы, приближай всеми силами день, когда подпишут акт приёмки объектов!

Конечно, есть подобные стимулы труда и в обычной бригаде. Только действуют они значительно слабее, поскольку бригада не знает, будет она на этой площадке работать завтра или её переведут на другую.

Это, так сказать, экономическая сторона дела. А Владислав Пахомович Сериков смотрит на бригадный подряд гораздо шире. Полновесный,

Всесоюзный вторник-семинар газеты «Труд» в Мурманске по бригадному подряду. Выступает Герой Социалистического Труда В. П. Сериков.

действенный подряд, с его точки зрения, складывается из четырёх главных компонентов: коллективной ответственности за объект; сознательного отношения к труду; общей материальной заинтересованности; общественной деятельности, в которой проявляется коллективизм, умение взглянуть на свою работу как на нечто общественно значимое, государственно важное.

Собственно говоря, бригадный подряд — это вовсе не открытие Америки. Подрядный способ уходит своей историей в далёкую старину. А выглядел он в оные времена примерно так. Приходил справный мужичок-десятник к хозяину и спрашивал: что-де тебе надобно, старче, построить — то ли терем, то ли конюшню, то ли амбар? Хозяин говорил, что ему надобно, тут же рядились (то есть вырабатывали все условия), и пятеро — семеро плотников под водительством своего десятника скоренько ладили нанимателю, что тому требовалось. Это и называлось подрядиться на стройку.

Нынешняя подрядная бригада, конечно, совсем не похожа на ту, и характер труда совершенно другой. В наших условиях в распоряжении бригады, насчитывающей 50–60 человек — специалистов разного рода, — современная техника и материалы, и договор она заключает не с хозяином, а с государственной организацией. Вся работа ведётся на основе социалистического соревнования, при общей государственной плановой системе. Но кое-что их роднит, эти две бригады из прошлого и настоящего. Скажем, та самая плотницкая бригада точно так же вела стройку от начала и до конца — от фундаментов до крыши. И точно так же старалась дела не затягивать, потому что для неё время — фактор очень важный. Закончит она работу не за две недели, а за десять дней — стало быть, выиграла время для другого дела. А качество? Кровно заинтересована такая плотницкая бригада в том, чтобы шла о ней добрая слава. Какому хозяину надо, чтобы дом ему срубили тят-ляп? Если дело сделано на совесть, будет хозяин мастеров расхваливать: молодцы, службу знают. Пойдёт лестная молва — значит такая бригада нарасхват...

В наших условиях в роли «хозяина» выступает стройуправление. И оно, конечно, глубоко заинтересовано в том, чтобы подрядная бригада быстро и хорошо справилась со своим заданием, потому что от этого зависит выполнение плана всего управления. И тут вступает в действие совершенно необходимое условие для успешной работы подрядной бригады: чёткая организация труда. А это как раз во многом и зависит от самого управления. Вот и получается, что при бригадном подряде обе стороны стремятся побыстрее да получше справиться с делом: и сроки строительства сократить, и добиться высокого его качества.

Таким образом, бригадный подряд — это отличная *организация работы плюс* коммунистическое отношение к труду.

Но вот в чём вопрос: не пахнет ли здесь всё же погоней за длинным рублём, нет ли здесь расхождения с главной идеей содержания труда в социалистическом обществе? Нет! — категорически утверждал Владислав Пахомович. Именно в работе по бригадному подряду у каждого рабочего непременно будет вырабатываться сознательное, творческое отношение к делу, подлинно хозяйская забота об общественной собственности. Но пока это были только слова, хотя весь предыдущий опыт бригады подсказывал именно такой путь перестройки организации труда и системы его оплаты. Так или иначе, а жизненность новой идеи нужно было доказывать практически.

Ещё в 1962 году, на Аларечинской стройке, анализируя сложившуюся практику строительства вместе с Игорем Феодосьевичем Шупа-Дубровой, находил Сериков основные черты будущей новой системы организации работы. И уже тогда в его дневник легли строки, которые впоследствии стали непреложным законом бригадного подряда:

«Бригада не будет братья сразу за множество объектов — не более чем за два... Сдавать их в срок она будет стараться не только из-за премий, но и рабочей совести, чести».

«Определена твёрдая стоимость объекта. Значит, в нарядах не будет никаких приписок, потому что у коллектива появится необходимость в повышении производительности труда, в выполнении работ наименьшим количеством людей».

(Вспомним, какой это бич на стройках — приписки! Откуда они берутся? А дело только в том; что обычная бригада ответственности за объект, по существу, не несёт, её не интересует, какова его стоимость. Для простой бригады главный документ — наряд на производство работ. В наряде и приписку сделать недолго: пускай удорожается строительство — бригаде-то какое до этого дело! В подрядной бригаде такое немыслимо. Для неё удорожание стоимости объекта — это провал, это невозможные потери. И потому-то каждый член коллектива кровно заинтересован в труде эффективном, экономичном.)

«Возрастёт роль коллектива в воспитании человека, бригада сама будет бороться за высокую дисциплину, не потерпит ни лодырей, ни прогульщиков».

(Так оно и вышло на практике.)

«Инженер будет заниматься только своим непосредственным делом — организацией работ, рационализацией, внедрением новой техники, а не бумагами. Главная задача инженера — помогать бригаде своими знаниями».

(В конце этой главы нам предстоит познакомиться с опытным инженером-строителем, который на деле подтвердил абсолютную правильность вывода Серикова.)

Вот только первые мысли, которые родились у Владислава Пахомовича, когда его бригада штурмовала тундру. Но как важно было прийти к этим мыслям, заглянуть в день завтрашний, чтобы чётко определить, как жить и работать дальше! А в его бригаде многое из того, что он записал как перспективу, было уже сделано. Была создана живая творческая атмосфера, и каждый рабочий чувствовал себя ответственным за общий успех или неудачу, понимая, что, если отстал один, это неизбежно скажется потом, когда арифмометры выложат на стол итоги коллективного труда.

Ценность идеи Серикова заключалась ещё и в том, что её осуществление обещало положить конец неразберихе в организации промышленного строительства, открывало инженерно-техническому составу, бригадирам, всем рабочим-строителям практически неограниченную возможность проявить своё умение, развить творческие способности, научиться хозяйствовать на своём рабочем месте разумно, рачительно, думая не о сиюминутном успехе и не о своей личной славе, а о большом государственном деле.

Ведь что происходило раньше (да и сейчас происходит там, где не используется бригадно-подрядный метод) в строительных организациях в конце каждого месяца? Люди сведущие хорошо знают, что

магические слова «план» и «срок» наталкивают нередко иных руководителей на приписки, на очковтирательство, за что положено весьма суровое наказание. Сплошь и рядом из-за этого возникают скандальные конфликты между заказчиком и исполнителем — строителями. Ведь заказчик вынужден «покупать» у них часть незавершённых строительных объектов. Вот тут-то и возникает возможность для всякого рода ухищрений и обходных манёвров. Бывает, что заказчик «приобретает» в первый период те объекты, где работы ещё только начинаются, они никак не стоят той суммы, которая выплачивается строителям. А тем только того и надо: план-то в деньгах оказывается выполненным! Но ведь только в деньгах, на бумаге, а не на деле. В результате этого и образовывалась всем известная «незавершёнка», которая приносила неисчислимые убытки, пускала по воздуху многие десятки миллионов рублей.

А вот проектирование и внедрение законченных строительных комплексов, которое и предлагал Владислав Пахомович Сериков, сразу оздоравливало хозяйственную сторону промышленного строительства, как это уже делалось в Москве, у жилищников. Ведь в самом деле, куда выгоднее сдать дом силами комплексной хозрасчётной бригады, чем перебрасывать строителей с объекта на объект, нарушая все сроки их сдачи в эксплуатацию. Бригадный подряд применим в промышленном строительстве — вот главный вывод, который был сделан Владиславом Пахомовичем Сериковым.

Эту свою идею он впервые высказал публично в августе 1963 года на совещании идею авторовитетов: представителей высшего строительного органа страны — Госстроя СССР — и его научно-исследовательских институтов.

Всякое новое дело с трудом пробивает себе дорогу. Даже гвоздь в стену не забьёшь с одного удара. А тут — чуть ли не переворот в организации строительного дела! Зато переворот, суливший огромные выгоды не только чисто экономического, но и социального толка! С цифрами и фактами в руках, с подробными выкладками доказывал Сериков свою правоту и всё больше находил сторонников своей идеи.

Повоевать за неё Владиславу Пахомовичу пришлось крепко. Но спустя некоторое время у него появились к тому очень даже подходящие возможности. Владислава Пахомовича избрали членом Мурманского обкома партии, приглашали на различные конференции и совещания, где он встречался со всеми теми, от кого во многом зависела судьба бригадного подряда. И, уж конечно, Золотая Звезда Героя, засверкавшая на его груди, придала словам Серикова особую убедительность и доказательность. Но находились и такие, которые, отозвав его в сторону, жарко, по-дружески шептали: «Да брось ты эту затею к чертям собачьим, что тебе, славы мало? Зачем ты себе на шею такой неподъёмный хомут вешаешь?»

Бригадир умеет отстаивать свою точку зрения.

Работали до сих пор неплохо — дальше так будем. Зачем нужны новые хлопоты и осложнения? Кто его знает, куда ещё заведёт этот твой бригадный подряд!..»

Сериков в ответ только улыбался...

Есть у него одно важное свойство: умеет он заражать других своей убеждёчностью. Полное понимание нашёл бригадир у первого секретаря Мурманского обкома партии Владимира Николаевича Птицына. Опытный партийный работник, деятель государственного масштаба, он сразу же понял всю глубину и пользу обоснованного предложения Серикова. Но понимал он также и то, что идея ещё требует тщательной проверки, многократной обкатки в эксперименте, поддержки широкого круга командиров и рабочих строительной индустрии. Требовалось ещё какое-то время, чтобы идея обрела материальную силу.

Во всяком случае, деловая помощь новому начинанию была оказана: при обкоме партии была создана и приступила к своим хлопотным обязанностям комиссия содействия бригадному подряду...

Надо знать Владислава Пахомовича Серикова, чтобы понять его нетерпение. Он, прошедший, что называется, огонь и воду, терпеть не мог какое-либо рутинёрство. Увидев цель, почувствовав её реальные очертания и пользу, он не мог мириться с тем, что где-то в управленческих кабинетах топят в бумажных сугробах хорошее, нужное государству дело.

Казалось бы, ну стоило ли ему, как шептали его доброжелатели, человеку, достигшему уже высокой трудовой славы, заботиться о чём-то ещё? Тем более, что годами складывавшийся управленческий строительный аппарат, почуяв недоброе — перестраиваться надо! — заскрежетал своими проржавевшими кое-где сочленениями, загудел, закружил бумажную круговерть, в которой не так уж трудно похоронить умное начинание...

И тогда Сериков пошёл на рискованный шаг. В интервью корреспонденту Всесоюзного радио Владислав Пахомович заявил на всю страну, что его бригада берёт подряд на сооружение большого промышленного объекта — комплекса южной теплоцентрали Мурманска — и вызывает на социалистическое соревнование не больше не меньше, как прославленную подрядную бригаду Николая Анатольевича Злобина.

Выступление Серикова по радио вызвало в строительно-монтажном управлении «Энергострой», где он тогда работал, настоящий переполох. Добро бы, этому серьёзнейшему заявлению предшествовали конкретные обсуждения в бригаде и в управлении, инженерная разработка всей новой методики работы. Нет! Бригадир, Герой Социалистического Труда, сам взвалил на свои плечи огромную ответственность, поставил на карту весь накопленный годами авторитет.

Что ж, так поступают истинные новаторы. Давайте вспомним, рисковали или нет Мария и Дуся Виноградовы в годы первых пятилеток,

объявляя на всю страну о своём решении работать на десятках ткацких станков? Рисковали, да ещё как! Ведь и тогда решалось: жить или не жить их идее многостаночной работы, быть или не быть важному государственному делу. Рискуют и учёные, проводя всё новые эксперименты с атомом, космонавты — совершая всё более сложные полёты за пределы планеты, конструкторы машин — предлагая новые, порой противоречащие сложившейся практике решения. Да как вообще могут не рисковать те, кто прокладывает дорогу новому в технике, науке, промышленном производстве, строительстве, искусстве? И всех их, независимо от профессии и рода деятельности, роднит единое чувство: одержимость в осуществлении мечты, ставшей делом всей жизни.

Рисковал, конечно, и Сериков. Но он был абсолютно уверен в успехе, потому что строил свою идею не на пустом месте. Уже гремела на всю страну слава бригады московского строителя Николая Злобина, а бригады мурманчан М. Н. Калацкого, И. И. Кутузова уже работали в порядке эксперимента по полному циклу — от нуля до сдачи объекта,— и работали здорово, всем на удивление. Элементы бригадного подряда уже давно использовались и в самой сериковской бригаде. А главное — он верил в своих богатырей, верил в их творческие и физические силы, в их безраздельную дружбу, выдержавшую самые тяжкие испытания в открытом всем ветрам Заполярном и в голых скалах на берегах озера Ала-Аккаярви...

В Мурманском городском комитете партии Сериков встретил полное понимание. Не без колебаний, но всё же дал своё добро на эксперимент и «Главмурманскстрой». Специалисты главка взялись подготовить продуманный во всех деталях подрядный договор, а 2-е строительномонтажное управление «Энергостроя» приняло на себя заботу обеспечить бригаду всем необходимым: техникой, материалами.

Так впервые в промышленном строительстве получил путёвку в жизнь бригадный подряд. Теперь его преимущества надо было доказывать не в управленческих кабинетах, а на строительной площадке. Словом, подряд обрёл юридическую силу и вступил в стадию практического применения.

Но одно дело — заключить договор, скрепить его всеми необходимыми подписями и печатями, и совсем другое — выполнить. Тем более, что делать это предстояло не только бригаде, но и другой высокой договаривавшейся стороне — СМУ-2 «Энергостроя».

А скептики между тем гнули своё:

— Бригадный подряд? Да они все рвачами и шабашниками станут, вот посмотрите!

— Никогда! — жёстко рубил Сериков. — Наоборот, подряд воспитывает у людей коллективизм, вырабатывает взаимовыручку, ответственность перед государством!

— А если нет стройматериалов, техника не действует — тогда как? Нарушит бригада сроки — конец подряду! — не унимались маловеры.

— Не нарушит! — убеждённо отвечал Владислав Пахомович. — Потому что в подрядной бригаде всё должны уметь делать сами. Сломался кран — на ходу отремонтируем. Нет бетона — арматуру готовить станем... В общем, не будет простоев!

Говоря всё это, Сериков ни на секунду не сомневался в своей правоте. Но кое в чём скептики были не так уж далеки от истины. И в этом довольно скоро пришлось ему убедиться.

Теперь предстояло самое главное: создать такую бригаду, которая пока жила лишь в его воображении. Ему требовались люди, которые по-настоящему поверили бы в бригадный подряд, с чистой душой пошли бы за ним, как за испытанным в боях командиром. Для этого нужно было созвать под свои знамёна всех идейных сторонников и в первую очередь тех, кто штурмовал с ним вместе мёрзлую землю в Заполярном и делил невзгоды на Аларечинском руднике. Ведь многие из его товарищей после окончания этих строек оказались в других подразделениях, поскольку трест расформировали.

Боевые соратники Владислава Пахомовича по Всесоюзной ударной комсомольской стройке живо откликнулись на зов своего вожака. Иные из них и сами к тому времени стали бригадирами, но, узнав, что затевает Сериков новое большое дело, без колебаний встали в его походную колонну рядовыми бойцами.

Да ведь и сам Сериков отказался от предложенной ему карьеры: в «Мурманскпромстрое» назначили его было на должность мастера. Выдвигали его и на более высокие посты как человека знающего, умелого, решительного. А он знал, что полезнее ему быть сейчас бригадиром, возглавить то самое низовое звено, которое может стать в огромной строительной армии самой боеспособной единицей.

И снова за ним шли проклённые стужей его стальные ребята: Анатолий Кожевников, Георгий Николаев, Анатолий Жаринов, Степан Кондрусик, Владимир Герасимов, Владимир Толстов, Евгений Петров, ставший вскоре партгрупоргом бригады, и многие другие «старички». Вернулся в бригаду и Борис Борисов, работавший к тому времени инструктором передовых методов труда.

Постепенно бригада пополнялась новыми силами. Серикову понравился немногословный Виктор Гуцело, который до этого сам возглавлял бригаду. Придя к Владиславу Пахомовичу, он сказал:

— Возьмите простым рабочим.

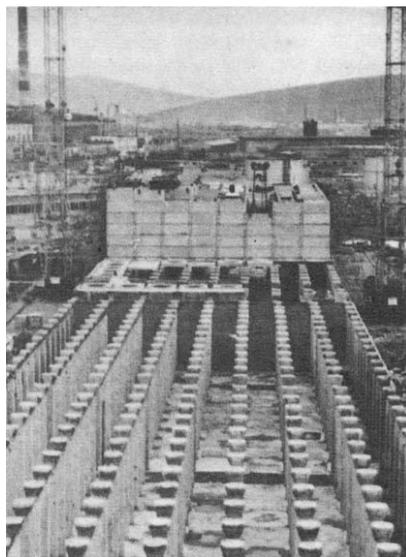
Виктора приняли. И очень скоро вошёл он в ядро бригады, стал одним из ближайших и самых надёжных помощников бригадира.

Своей дорогой пришли в бригаду бывшие моряки-североморцы, совсем молодые ребята Коля Иванов, Толя Прокопенко, а с ними — начинающие строители Юрий Берг, Валерий Кузнецов... А Анатолий Воронин пошёл в коллектив из музыкальной школы, где преподавал по классу баяна. Пришёл, увлёкся и стал готовиться в строительный институт.

Но попали в бригаду и такие, кто, прослышав о чудесах прославленной бригады, рассчитывал хорошенько погреть здесь руки: ведь какая премия светит, шутка сказать! В самом деле, у Серикова зарабатывали помногу. Бригадир прекрасно понимал, что с людьми, которые всё меряют на копейку, предстоит ещё серьёзная схватка. Их надо будет «перемалывать» в здоровом рабочем коллективе, сделать так, чтобы рубль не заслонял для них синего неба, чтобы учились они считать деньги не только в своём кармане, но и в кармане бригады, а значит — в государственном...

Словом, в трудный и не очень пока ясный путь выступала весьма разнородная бригада, которой ещё предстояло на этом пути стать единым, монолитным коллективом.

Строительство промышленного комплекса.

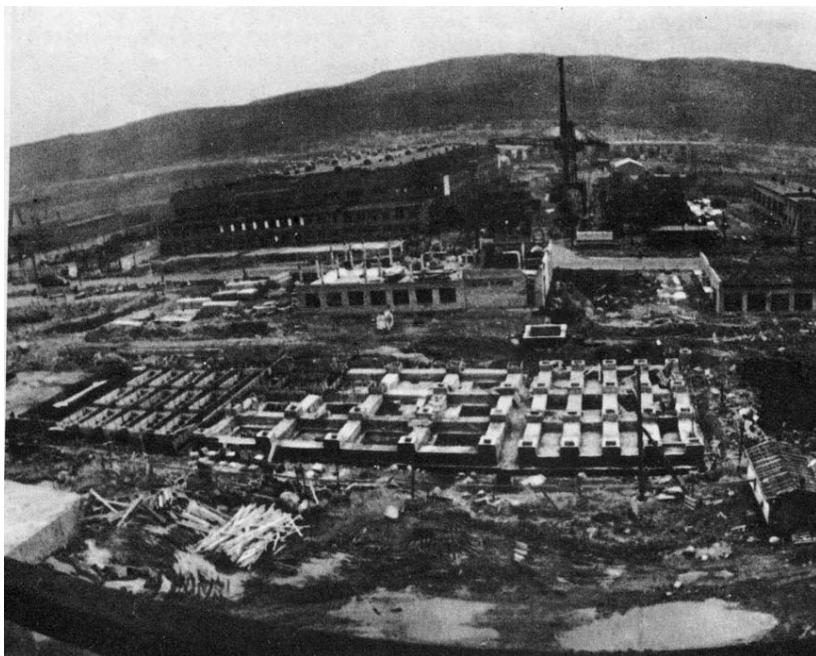
* * *

Южная теплоцентраль была в тот момент одним из важнейших строительных объектов Мурманска. От того, насколько быстро будет она готова, зависела и сдача новых жилых кварталов растущего города-порта, магазинов, столовых — всего того, в чём так остро нуждались мурманчане.

Сериков со своей бригадой брался сдать теплоцентраль в сокращённые сроки, целиком рассчитывая на стимулирующее влияние взятого подряда. Брался вовсе не из простого куража, а потому что считал, что только на таком крупном и сложном объекте, состоявшем из семнадцати самых разных сооружений, с огромной сетью коммуникаций, бригадный подряд может проявить все свои преимущества, утвердить себя окончательно и бесповоротно. Ну, а если постигнет неудача? Нет! О таком он и думать себе не позволял.

Как архитектор, видящий своё детище во всех формах и деталях, ещё не притрагиваясь к листу ватмана, видел Сериков и всю «конструкцию» предстоящих работ, представлял наиболее эффективную их последовательность, оптимальную расстановку сил. Он учитывал всё: и необходимость подключать в нужный момент специализированные бригады смежников, и физические возможности, и то пристальное внимание,

Внушительна строительная панорама Мурманска.

с которым будут следить за стройкой в руководящих инстанциях. Знал, что есть у бригадного подряда и настоящие недоброжелатели, потому что новая система и их заставляла работать по-новому. А ведь куда удобнее и привычнее двигаться по накатанной дорожке!

Словом, «погореть» на этом объекте ничего не стоило. И тут уж надо было стоять до конца.

В самом начале, когда поставил Сериков в договоре свою размашистую подпись, пригласил его к себе первый секретарь обкома партии Владимир Николаевич Птицын. Долго расспрашивал, вникал во все детали,

допытывался, всё ли обмозговано, предусмотрено, а потом сказал:

— Сейчас, Владислав Пахомович, на дворе сентябрь. Сам знаешь, в ноябре снежные заносы будут. Не сдашь нуль к этому времени — застрянешь. Учитываешь?

— Учитываю, — тряхнул головой Сериков. — Сдадим нуль к но ноябрю.— И в глазах бригадира мелькнула упрямая решимость.

Владимир Николаевич улыбнулся. Вот таким он и знал Серикова. Такому верил. За эту упрямую решимость и ценил высоко...

И началось наступление. Ему предшествовало короткое собрание, которое провёл Сериков в бригаде.

— Всем должно быть понятно,— сказал он, — что могут быть трудности. Не на курорте работаем. А кто интересуется, могу сказать так: как поработаешь, так и получишь.

Только главное у нас не это. Главное — дать Мурманску теплоцентраль!

Её ждут рыбаки и портовики, рабочие рыбокомбината. От нас с вами зависит, когда получат они новые квартиры. Для себя знайте: каждый лишний день работы крана на стройке — большая дырка в кармане бригады. Значит, живей поворачивайся! Доски для опалубки должны по норме использовать четыре-пять раз, а ты с ними аккуратней, ещё парутройку раз пускай в дело: вот тебе и экономия леса! Во всём ищи резервы, соображай, как можно выиграть время, разумнее использовать кирпич, раствор... Результат по подрядному договору такой: от сэкономленной на стройматериалах суммы сорок процентов — на счёт бригады. Так что премия — в наших собственных руках!

Владислав Пахомович понимал, что люди по-разному воспринимают его слова. «Старичкам» и объяснять ничего не надо — знали они, что бригадир ставит перед ними трудную, но выполнимую задачу, и знали,

как за неё браться. А вот на лицах новичков Сериков читал сомнение. Эти люди ещё не прониклись азартным духом его дружины. Именно поэтому и говорил он о премии, напирал, так сказать, на материальную заинтересованность. Один из таких подал голос:

— Знаем мы эти сорок процентов, видали! Держи карман шире!

— Кончим подряд — приходи с мешком за премией! — зло бросил Сериков.

Все так и грохнули. Подавший голос замолчал, но Владислав Пахомович чувствовал, что разговор далеко не окончен, и очень многое ещё предстоит сделать, чтобы здесь, на переднем крае строительного фронта, эти люди научились воевать не только за свою полчку. А пока предстояло в чрезвычайно короткие сроки, до холодов, завершить в скальных породах нулевой цикл, перевернуть горы земли, заложить фундамент, коммуникации...

С первых же дней стройку залихорадило. Стройуправление, ещё не готовое к поточной работе, основанной на подряде, действовало пока по старинке, словно не усвоив, что в жизнь вошло нечто новое, требующее иной организации дела не только в самой бригаде, но и во всех звеньях, с ней связанных.

Главное, что мешало, — это задержка с поставкой материалов, деталей. Недобрые улыбки поплыли по лицам, когда начались простои, потому что при выполнении нулевого цикла фронт работ, конечно, ещё маловат: рой землю — вот, в сущности, и вся недолга. И пошли убытки. Заработки упали с девяти-десяти рублей в день до семи. А тут ещё управление не выплатило предусмотренный договором премиальный аванс. Пришли люди в кассу получать деньги, а им — от ворот поворот.

Загомонили в бригаде:

— Липа всё это — подряд!

— Давай, как было, тут дураков нет!

— Болтать мастера, а как премию платить, так их нету!

Появились в бригаде прогульщики, потянуло спиртным. Причину Сериков видел чётко: было совершенно ясно, что управление обращает внимание на подряд гораздо меньше, чем того требовала обстановка. И это больше всего беспокоило бригадира. Если сразу же не предпринять кардинальные меры, не переломить настроение в бригаде, произойдёт непоправимое — люди потеряют веру в подряд. И тогда Владислав Пахомович обратился к партгрупоргу Жене Петрову:

— Давай собирай коммунистов. Может, вместе чего и надумаем.

— Разговор получился непростой, но дельный. Ребята говорили, в общем, всё то, что и сам Сериков понимал прекрасно: бригада, что армия, — ушла вперёд, а обоз отстал. Так долго не продержаться. Владиславу Пахомовичу нужно было заручиться мнением своих соратников, чтобы и действовать от их имени.

— Ну что ж, — заключил он это собрание, — пусть приедут к нам из управления, пусть объяснят бригаде, в чём дело, скажут,

когда наведут порядок...

На другой же день представитель администрации прибыл. Сериков молча слушал, как «бомбили» его ребята, и улыбался. А они, не очень стесняясь в выражениях, обвиняли управление в неповоротливости, говорили, что куда легче подписать бумажку, чем вовремя прислать бетон на стройплощадку, и вообще пора заниматься делом.

Это было как раз то, чего хотел Сериков. Необходимо было вызвать в управлении ответную реакцию на новое начинание, заставить понять управленцев, что теперь бригада и они — это звенья единого организма, что нынче нельзя обойтись без крепко обеспеченного тыла. Ясно было Серикову и то, что сторонников бригадного подряда куда больше, чем крикунов. Значит, несмотря на трудности, вера не утрачена и можно воевать дальше.

Видно, всё это понял и представитель администрации. Он заверил бригаду, что в ближайшие дни дело будет поправлено и что недоразумений больше не будет...

Да уж, нелегко пришлось в то время Владиславу Пахомовичу и его сторонникам. Но главное они всё же сделать сумели: пораженческие настроения были сломлены. И опять-таки немаловажную роль сыграл личный пример. Гвардейцы бригады не давали дремать ленивым, подбадривали приунывших, осаживали нытиков и крикунов. Работали без перекуров. Освобождались люди на одном участке — бригадир немедленно перебрасывал их туда, где дело стопорилось. И тут, конечно, очень кстати была профессиональная универсальность. Тех, кто опаздывал или слишком долго обедал, все вместе прорабатывали так, что им становилось не по себе.

И вот бригада из тридцати пяти человек совершила то, чему не верили даже самые большие оптимисты: план четырёх месяцев был выполнен всего за месяц! Первый и очень важный рубеж был взят: нулевой цикл завершён до губительных снежных заносов.

Пожалуй, только сам Владислав Пахомович да его жена Лина Александровна знали, какого нервного напряжения стоил ему этот месяц. На стройке он всегда был выдержан, редко повышал голос, а придя домой, он, едва притронувшись к пище, буквально валялся в постель. Во сне вскрикивал, сжимал кулаки, продолжая с кем-то неоконченный спор... Потребовал Сериков только одного: крикунов, так и не поверивших в бригадный подряд, убрать из бригады. Таких оказалось лишь трое.

Потом, когда всё уже было позади и когда слава сериковской бригады новой волной прокатилась по всей стране, эти люди горько пожалели, что за частностью, за житейской неурядицей, за обыкновенными, легко исправимыми просчётами не увидели главного. Это вообще скверно, когда люди, споткнувшись о первый пенёк, уже делают вывод, что лес непроходим. Они не умеют, а иногда и просто не дают себе труда попытаться взглянуть на своё дело широко, с прицелом на будущее.

Им подавай всё сразу, на тарелочке с голубой каёмочкой. И живётся таким людям неважнецки, потому что их жадные ожидания почти никогда не оправдываются. Скачут они с места на место, и прилипает к ним обидное, но точное слово: «летун». А большой, настоящий успех приходит только к тем, кто ставит перед собой высокую, настоящую задачу, кто умеет ради этого пренебречь личными неудобствами, не пожалеть сил, чтобы потом иметь право сказать с гордостью: я это сделал, я своего добился!

К большому успеху бригада шла долгих одиннадцать месяцев. И на них падали самые трудные месяцы полярной ночи, лютой стужи, взбесившейся вьюги, бесконечных снежных заносов. А заносы были такие, что приходилось буквально откапывать строительную площадку из-под снега. Его покров иной раз достигал толщины более двух метров.

В тот памятный год над Мурманском пронеслось тринадцать свирепых ураганов! Скорость ветра более 29 метров в секунду метеорологи называют ураганной. А тогда циклон развивал порывы до 40–45 метров. Арктика обрушила на город в ноябре в течение трёх суток двухмесячный снежный запас, и городской штаб снегоборьбы призвал всё население выйти откапывать проходы к промышленным предприятиям, к магазинам, к детским садам... А ветер с рёвом рвал контактный провод на железной дороге, выдавливал стёкла в окнах, вздымал крыши, срывал с якорей суда.

Над городом часто звучали тревожные слова диктора мурманского радио: «Внимание! Передаём штормовое предупреждение...»

Строительная площадка Южной теплоцентрали, расположенная на самом берегу залива, полной мерой получала шквальные налёты Арктики.

Выход из положения искали все вместе. Придумали такое средство: сколотили огромный ящик, наполняли его снегом, а потом перемещали этот ящик башенным краном. Так удавалось довольно быстро расчищать строительную площадку. Ни одного потерянного дня, несмотря на бушующую стихию.

— Но трудности создавала не только суровая арктическая природа. Если стройуправление хоть и медленно, не сразу, но всё же перестраивало свою работу, уже проявляло заботу об успехе бригадного подряда, то организации-поставщики стройматериалов и деталей всё ещё думали, что можно действовать по-прежнему, не спешить. А бригадный подряд не терпит ни перебоев в поставке деталей, ни дурного их качества: невыгодно это бригаде.

Сериков дал стропальщикам — рабочим, которым было поручено принимать материалы, — строжайший приказ: детали, не соответствующие стандарту или проекту, не брать, заворачивать машины восвоей. Поначалу в бригаде заволновались: ведь дело опять грозит простоем. Но Сериков непримиримо стоял на своём и доказал, что был совершенно прав.

Однажды привезли с комбината стройконструкций ступени для лестниц. По проекту они должны были иметь закладные металлические детали. Проверили: нет в привезённых ступенях таких деталей. Стало быть, перила к таким ступеням не приваришь — не к чему. Как быть? Можно, конечно, было бы пробить в ступенях отверстия и в них крепить перила. Но для исправления заводского брака потребовалось бы несколько человек снять с других работ.

— Не пойдёт! — отрубил Сериков, — Везите ступени обратно!

А на комбинате, видно, не поняли, в чём дело, и снова прислали на стройку машины с теми же злополучными ступенями. Но не тут-то было: пришлось чертыхающемуся шофёру опять везти непригодные детали к тем, кто их такими сделал, — на комбинат.

Там обозлились: на других стройках детали с руками оторвут не глядя, а эти ещё нос воротят! Не будет вам никаких деталей, сами на поклон придёте.

В самом деле, недели три на площадку бригады детали с этого комбината не поступали. Но Сериков на поклон так и не пошёл. Теперь, после нуля, фронт работ заметно раздвинулся, и бригадир полностью загрузил рабочих другими заданиями. А сам, разумеется, доложил в управление: так, мол, и так — непригодные материалы принимать не будем. На то это и бригадный подряд, чтобы все звенья строительной индустрии действовали исправно. Надо полагать, руководство разобралось, кто проявил в этой истории ненужную строптивость, потому что вскоре комбинат поставил бригаде детали, полностью соответствовавшие проекту.

Не побоялась бригада испортить отношения с именитым поставщиком — и не остались внакладе. А уступили они — и, конечно, проиграли бы по всем статьям: и время потеряли бы и материальные средства. Ведь увеличилась бы стоимость работ. А подрядная бригада кровно заинтересована в их удешевлении — тогда возрастает сумма экономии запланированной общей стоимости подряда. Так что бригада поступила по-хозяйски. Была и другая немаловажная сторона в этой «акции»: хороший урок получили поставщики. Им ясно и твёрдо сказали: работайте на совесть, а не кое-как, брак больше не пройдёт.

Вот так же рачительно нужно было использовать и технику. Вместе с инженерами засел Владислав Пахомович за расчёты, потому что первые же контрольные финансовые итоги работы бригады показали, что положение тревожное: неправильно используемая техника приносит огромные убытки.

Скажем, дали бригаде два мощных восьмитонных крана. А для монтажа деталей первого яруса этикие гиганты и не требуются вовсе. Можно обойтись колёсным или гусеничным краном значительно меньшей мощности. Да и для дальнейших работ потребуется лишь пятитонный кран. Стало понятно, что в проекте производства работ

допущен явный просчёт. Работай они по старинке, может быть, никому и в голову не пришло бы перепроверять проект. А тут — пришло, сама жизнь заставила.

Были в этом проекте и другие промахи, которые влетали в копеечку и государству и бригаде. Сериков без особого труда обнаружил, что вовсе не нужен им мощный бульдозер, его следует заменить меньшим. Такая же история с передвижным компрессором: вместо него вполне достаточно переносного электрического.

Как хороший педагог, решил Сериков рассказать о своих экономических выкладках всей бригаде. Пусть ребята учатся думать по-новому, прикидывать, рассчитывать свой труд.

— Надо побольше мозгами шевелить, — сказал своим соратникам Владислав Пахомович. — Это и называется — искать резервы, предотвращать неоправданные потери.

И рабочая смекалка снова пришла на помощь. Отремонтировали старый транспортёр, и стал он служить бригаде, можно сказать, во всех случаях жизни. С его помощью земляные работы проводить стало легче и быстрее. Поднять вверх раствор или кирпич — и тут он незаменимый помощник.

Бригадир учил своих товарищей каждую операцию производить рационально, экономить во всём: разумно расходовать пиломатериалы, металл, кирпич, бетон, сообразуясь, конечно, с характером работы не в ущерб их качеству.

За качеством работ в бригаде установлен особый надзор. Тут уж никому спуску не даётся. Объявлена самая непримиримая борьба с так называемыми недоделками.

К сожалению, эти самые недоделки давно уже были на стройках своего рода традицией. Дурной, конечно. Бывает, сдают корпус в эксплуатацию, а вместе с актом — длинный список недоделок. Говорят, если их количество не превышает трёхзначную цифру, — это ещё удача.

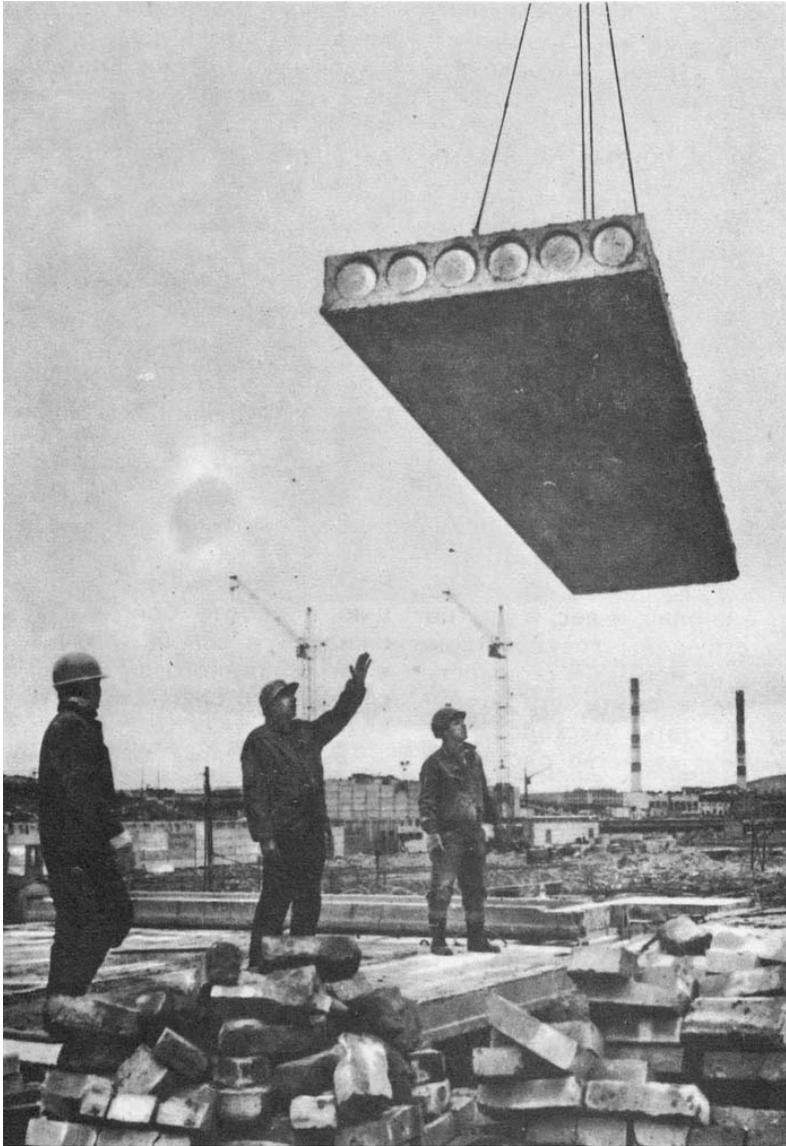
Диву только даваться можно, откуда взялась эта негодная практика. Ведь не покупаем же мы, скажем, пальто без пуговиц или автомобиль без колёс. А в строительстве такое почему-то возможно!

Владислав Пахомович наложил на всякого рода недоработки жестокий запрет. Со своими гвардейцами ему сидеть не приходилось — те уже прошли его суровую школу на предыдущих стройках. А вот с пополнением пришлось повоевать. Иных любителей работать на скорую руку бригадир раз по шесть заставлял переделывать кирпичную кладку. До скандалов дело доходило. Но Сериков не отступал, никому не давал поблажки: работать только на совесть!

— Высокое качество в нашем деле, — говорил он, — это главный резерв экономии. Плохо сделал кладку — тебе же её переделывать. Неверно закрепил деталь — вообще беда. Всю конструкцию делай заново. Так что соображайте: плохо ли работать хорошо?

Как будто говорил Сериков прописные истины, которые люди должны

За каждой операцией следит бригадир (в центре).

накрепко усваивать ещё в детстве. Да вот горе: далеко не все их усваивают, а уж когда становятся взрослыми — ох как трудно им отучаться от дурной манеры всё делать «на авось» да как-нибудь!.. А в бригаде были и такие, кто на других стройках привык не жалеть кирпич: треснул — долой его, в кучу; доски валяются — ну и пусть их валяются, мои собственные, что ли? У Серикова такое отношение к добру просто немислимо. Треснул кирпич — скрепляй его раствором, и в дело. Вот и не пропал человеческий труд, вложенный в этот кирпич. Валяющихся в беспорядке лесоматериалов на площадке, где трудится бригада, не увидишь: все они сложены аккуратно и до последней досточки непременно будут использованы либо для опалубки, либо для каких других нужд. В бригаде хорошо знают: и кирпич, и лес, и другие материалы отпущены государством в определённых нормах и стоимость их закреплена в смете строительных работ. А статья расходов, как известно, имеет свойство расти или уменьшаться. Вот и надо действовать с выгодой, как умные люди, а не растяпы какие-нибудь, у которых и в дождь вёдра пустые...

* * *

Настал день, которого так ждали мурманчане. Теплоцентраль Южная была полностью готова к эксплуатации. И без экономических расчётов было совершенно ясно: бригадный подряд одержал убедительную и безоговорочную победу. Вот что рассказали цифры.

Южная теплоцентраль дала тепло новому микрорайону Мурманска на восемьдесят семь дней раньше намеченного срока. Бригада сберегла государству десятки тысяч рублей. МалOVERы зря опасались: условия договора были соблюдены в точности, для премии и в самом деле надо было готовить подходящую тару. Шутка ли — за двадцать один месяц работы по сооружению Южной теплоцентрали бригада за досрочный ввод объекта и экономию материалов получила ни мало ни много — около шестидесяти тысяч рублей премии, в том числе за выполнение первого этапа строительства тридцать три тысячи, а завершающего — свыше двадцати шести.

Вот какие удивительные цифры легли на бумагу, когда счётные машины «переварили» всю информацию о работе бригады. Такого не ожидали и самые горячие сторонники бригадного подряда, начисто сломавшего старые представления о возможностях строительного потока.

Был митинг, были речи и поздравления, горячо жал руки победителям Владимир Николаевич Птицын. А за всем этим стоял настоящий, выстраданный трудовой подвиг героев-строителей. Теперь их опыт становился предметом самого скрупулёзного изучения в организациях промышленного строительства страны.

Могло ли совершиться такое, не будь у Серикова надёжных помощников, столь же увлечённых духом новаторства, как и их вожак? Тут и

Так сейчас выглядит Южная теплоцентралья.

спрашивать нечего. А вот как удалось сплотить в общем-то весьма разношёрстный поначалу коллектив, сделать его крепкой, манёвренной силой, — вот об этом стоит поговорить особо.

Владислав Пахомович прекрасно понимал, что окриком, бранным словом, которое иные руководители на стройках считают чуть ли не единственно возможным средством воздействия на людей, ничего путного не добьёшься. Такой грубиян-руководитель неизбежно превращается в обыкновенного погонялу. Разве будут его уважать в коллективе и уж тем более — любить?

Нет, Владислав Пахомович в первую голову хотел того, чтобы люди сознательно относились к делу. Он прекрасно понимал и то, что этого не достигнешь проповедями, нудными увещеваниями. Нужно было создать в бригаде такую обстановку, чтобы всякое нарушение дисциплины, недобросовестность, рвачество считались позором, были нетерпимы в коллективе.

И тут самое время рассказать о совете бригады. В составе его одиннадцать–пятнадцать человек, избирается он сроком на полгода и каждый раз обновляется наполовину, а то и на две трети. Таким образом,

Заседает совет бригады.

за короткий срок — полтора-два года — вся бригада избирается в совет и принимает самое непосредственное участие в управлении производственной и общественной жизнью. Причём Сериков настоял, чтобы в совет не входили ни бригадир, ни руководители общественных организаций. Обосновывал он это так:

«Пусть никто не давит на совет своим авторитетом. Пусть решения его будут совершенно самостоятельны. Тогда и действенность их будет особая. А люди у нас хорошие, зрелые, коллектив в сторону не уведут».

Совет стал вникать буквально во все дела бригады. Во-первых, он определял коэффициент трудового участия каждого рабочего в выполнении плана. Что это значит? Тут учитывается всё: и материальные показатели труда и моральные. Скажем, можно перевыполнить норму. Это, конечно, хорошо. Но, перевыполнив задание, можно и поостыть к делу, работать до конца смены уже не в полную силу, а значит — задерживать других.

Вот тут вступают в действие так называемые «моральные показатели». Мог сделать и не сделал? Это тебе минус. Сторонишься «дешёвой» работы, норовишь взяться за то, что повыгодней? И это на заметку взято. Словом, члены совета зорко следят, чтобы все трудились как следует, честно, не подводили друг друга. На заседании совета бригады и выводится этот самый коэффициент трудового участия.

Результат решительных действий совета сказался незамедлительно: прогулы и опоздания ушли в невозвратное прошлое. И когда однажды на площадке появился выразительный плакат: «Привет новаторам Катышеву и Вилякиной, которые ушли на обед на 15 минут раньше!» — те неделю бегали за бригадиром: сними, сделай милость!

Работает в бригаде Михаил Галкин. Сейчас это человек уважаемый, трудится отлично — руки у него золотые и голова светлая. А раньше ну прямо беда была с Михаилом: каждый божий день являлся на стройку хмельным. Да ещё, куражась, заявлял:

— У меня справка есть, что я хронический алкоголик. Мне никакой прогул по закону не засчитывается. Больной я!

Лишили Галкина премии. Один раз, второй. И вдруг переменялся Галкин. Не то что в рабочие, а и в выходные дни не пьёт.

— Что с тобой случилось, Миша? — лукаво спросил Сериков.

— А что, неужто я хуже других? Ну её, водку проклятую... Всем и слава и почёт, а я вроде самый последний... Нет уж, дудки!

— Молодец, Миша! — похвалил бригадир. — Теперь по тебе медики диссертации защищать могут! Ведь, поди, какое дело: лечат алкоголиков всякими мудрёными лекарствами, а ты у нас сам выздоровел...

Да, подряд подействовал на любителей выпить в полном смысле слова отрезвляюще. Заметил бригадир и другое обрадовавшее его обстоятельство: болеть стали люди меньше. Раньше, бывало, чуть что — так в районную поликлинику, и хватать бюллетень дней на десять. А теперь совсем стало не то. Не торопятся люди к врачу из-за всяких пустяков, потому что понимают: нужны они в бригаде, стыдно дома отсиживаться, когда другие спины не жалеют...

Атмосфера строгого взаимного контроля, взаимной выручки установилась в бригаде, конечно, не сразу. Тут многое зависело от того, как расставить людей, как помочь им проявить лучше свои качества. Серикову снова помог в этом опыт, накопленный в Заполярном и Аларечинске.

Ещё тогда, живя в палатке, преодолевая каменную усталость, делал он короткие дневниковые записи. Анализировал факты, события, изучал характеры людей. Ведь не было для бригадира в те трудные дни важнее задачи, чем точно определить сильные и слабые стороны каждого. Эти короткие записи, сделанные порой на лютom морозе негнуцимыми пальцами, превратились потом в исчерпывающие характеристики

соратников бригадира. Вот некоторые из них:

«Воронин Анатолий Николаевич. 10 классов. Преподавал в Мурманском музыкальном училище. 1940 года рождения, член КПСС.

Профессия, деловые качества: каменщик, бетонщик. Но безотказно выполняет и все «нелюбимые» работы: земляные, изоляцию битумом, заделку отверстий и т. д. Самостоятельно работать может, но медлителен, а иногда попросту ленится. Однако при первом же замечании принимает бодрый вид и развивает «бурную деятельность».

Личные качества, развитие, интересы, склонности. По характеру добрый. Вежлив и культурен. Поступил заочно в Ленинградский строительный институт. Как член партийного бюро и депутат райсовета — мой первый помощник в общественной работе. Хотелось бы привить ему побольше характера, а иногда и просто нужной в работе злости. Думаю, это возможно, надо его почаще выводить на острые ситуации. Пусть приобретает твёрдый характер».

Толя Воронин... Белокурый, мягкий парень, совсем не богатырь на вид. Глядя на него, и не подумаешь, что может он играючи ворочать тяжёлым ломом, что артистически владеет мастерком, что с весёлым азартом пробует в снежных завалах улицы и переулки...

Он родился здесь, в Мурманске, и северный край — это его родная стихия. А музыка? Что вдруг заставило его оставить тёплый класс, симпатичную компанию пацанов, перенимавших у него премудрость игры на сверкающем россыпью клавиш баяне? Да, наверное, та же причина, что сорвала в своё время Серикова из уютного тёщиного гнезда: тесны были ему рамки обыденной жизни, повлекло его неудержимо к большому и трудному делу, которое по плечу лишь настоящим мужчинам. Музыка не забыта. Но теперь не он ей, а она ему служит. Ребята из бригады очень любят, когда берёт Толя в руки баян, пробежит по переборам — и уж тут ни за что не устоять на месте...

«Вилякин Николай Иванович. 1931 года рожд., беспартийный.

Профессия, деловые качества. Плотник, монтажник, бетонщик. Умеет всё. В бригаде его прозвали «инженерные войска». Выполнит любое, самое сложное задание. Работает быстро и умно.

Личные качества, развитие, интересы, склонности. Характер шумный, но покладистый. Может угрожать всяческими карами своему «врагу», но быстро отходит и становится самым общительным человеком. Читает много, но без разбора. Ходит в кино, на стадион. Может поверить самому нелепому слуху и тут же расшуметься. Так же легко разуверяется в слухах. Бесхитростный, хороший товарищ. Доброе делает от души. Недостаток: может поддаваться дурному влиянию, нарушить дисциплину. Контроль над ним — быть ему другом, это он ценит. Перспективен в своём росте как человек и как специалист».

Ю. Берг — надёжный
помощник бригадира.

Немало потрудился на
стройках Заполярья А. Алфимов.

В. Кузнецов, один из
ветеранов бригады.

Многими специальностями
владеет В. Толстов.

Анатолий Воронин предпочёл
строительную площадку
музыкальному классу.

Задание
будет выполнено.

Сварка — один из важнейших
видов работ на стройке.

Надо подумать...

«Вилякина Валентина Михайловна, беспартийная.

Профессия, деловые качества. Землекоп-бетонщик. Добросовестная, инициативная, но работает, «как все»: если все «до пота», то и она тоже; если все с прохладцей — и она так. Нужно почаще отмечать её хорошую работу и ставить с трудолюбивой «компанией».

Личные качества, развитие, интересы, склонности. Характер твёрдый, решительный. Командует мужем на пользу делу. Николай был любителем выпить, посидеть с приятелями, а вот уже год после свадьбы в рот ничего не берёт. Купила на свои сбережения ему мотоцикл (давняя его мечта) и вовсе отрезала дорогу к старым друзьям. Хорошо влияет на мужа. Эта семья много полезного делает в бригаде».

«Берг Юрий Рейнгольдович. 10 классов. 1946 года рожд., член ВЛКСМ.

Профессия, деловые качества. Электросварщик, монтажник. Умеет всё. Инициативен, умён, трудолюбив. Работает всегда самостоятельно, серьёзно, чисто. Не уйдёт с работы, не выполнив задания.

Личные качества, развитие, интересы, склонности. Характер твёрдый, ершистый. Любит поспорить, но если неправ, то соглашается, хотя и с трудом. Много читает, много знает. Любит кино и театр. Уверен в себе. Хорошо понял, что такое подряд, и стоит за него грудью. Всяким бузотерам может сказать в глаза правду, умеет постоять за себя и за своих товарищей».

«Жаринов Анатолий Иванович, 1930 года рожд., 6 классов, член КПСС.

Профессия, деловые качества. Плотник, бетонщик, монтажник. Универсал. Его лозунг: «Долой перекуры!» С ним работать тяжело. Выдерживает один Николай Вилякин, и тот иногда шумит: «Да ты что — с ума сошёл? Дай хоть вздохнуть!»

Личные качества, развитие, интересы, склонности. Характер упрямый, твёрдый. Активный дружинник. Народный заседатель. Развита пресса. Всегда во всём аккуратен. Надёжная моя опора. Анатолий забил первый колышек на месте будущего города Заполярный. Он из тех людей, на которых можно положиться без оглядки. На таких, как он, стояла, стоит и стоять будет земля Русская!»

Сколько лет они вместе? Сериков уже перестал считать годы их совместного труда. Порой ему кажется, что с Анатолием Жариновым они всегда были в одном строю. Да так оно, по существу, и есть. Все самые главные рубежи в бесконечном строительном марафоне они брали вместе.

Спокойный, уравновешенный, он всех удивлял своей необыкновенной выносливостью и упорством. А ведь на вид тоже совсем не Василий Алексеев. И ещё есть у него одно важное качество — настоящее мужество. Не зря он состоит в народной дружине.

Вся окрестная шпана боялась Жаринова. Скольких распоясавшихся пьяных хулиганов скручивал он своими сильными руками и

доставлял в милицию! А уж провинившимся воздавалось по заслугам.

Шпана боялась Анатолия и ненавидела, в открытую грозилась отомстить. И однажды поздним вечером, когда в рабочем посёлке уже почти погасли огни, хулиганы подстерегли шедшего с дежурства Анатолия...

Тяжёлый удар, предательски нанесённый сзади, свалил его на землю. Подоспевшие дружинники доставили Жаринова с проломленным черепом в больницу.

Он долго провалялся на больничной койке. А когда поправился, вновь надел на рукав повязку народного дружинника...

Не испугался хулиганов Анатолий Жаринов. До сих пор он гордо несёт почётную гражданскую службу по охране общественного порядка. Совсем недавно наградили его именными часами обкома комсомола и грамотой ВЦСПС. Заслужил!

Да, с такими, как Анатолий Жаринов, и в разведку вместе идти не страшно — так говорят бывшие фронтовики. А такая похвала в их устах — высшая оценка человеческих качеств. Они и в самом деле сейчас в разведке — всей бригадой...

«Герасимов Владимир Петрович, 7 классов, незаконч. среднетехническое образование, 1939 года рожд., член КПСС.

Профессия, деловые качества. Плотник, каменщик, монтажник, сварщик. Нет работы, которую бы он не сумел сделать. Невероятно трудолюбив, энергичен, умён и грамотен в работе. Ему цены нет.

Личные качества, развитие, интересы, склонности. Характер горячий, невыдержанный. Не идёт ни на какие компромиссы. Очень самолюбив. По этой причине надо уделять ему больше внимания, отмечать его добрые дела (а их много). Окончил заочно три курса строительного техникума. Очень смелый и решительный. Недостаток: в людях чаще видит отрицательное.

Назначив его своим заместителем, я всё же вынужден был в дальнейшем заменить его другим, более уравновешенным человеком. Надо пытаться сделать его более сдержанным и, главное, более внимательным к людям. Фактически это добрейший человек, но доброту свою прячет за внешней напористостью. Я верю: он станет лучше. Отстранение от должности заместителя бригадира должно, по-моему, сыграть положительную роль в его воспитании».

«Гуцало Виктор Васильевич, 1941 года рожд., член КПСС.

Профессия, деловые качества. Монтажник, каменщик, плотник. Мой заместитель. Любит и умеет командовать. Трудолюбив, энергичен, может заечь людей.

Личные качества, развитие, интересы, склонности. Характер твёрдый, упрямый. Всегда говорит правду в глаза. Люди его уважают. Умеет успокоить разгоревшиеся страсти. Рабочие за ним идут. Много читает, много знает. Заметно вырос за год в своём развитии как человек и

руководитель. За такими — будущее, это настоящая наша смена».

Такие характеристики есть на каждого (а в бригаде нынче около пятидесяти человек). Тут и невооружённым глазом видно, зачем понадобилось бригадиру вот так фиксировать свои наблюдения, давать всестороннюю оценку качествам своих товарищей. Думается, в этом и состоит один из главных секретов успеха бригады, потому что в конечном счёте только люди, их талант, их добросовестность и определяют результаты коллективного труда. Но эти качества надо в людях разбудить, пустить в рост всё хорошее, что в них заложено: заставить неряху подтянуться, слабого — поверить в свои силы, слишком горячего — остудить. Да и так организовать дело, чтобы некогда было «травить» анекдоты. Все эти задачи — организатора производства, воспитателя коллектива — с блеском решает Сериков. Вот что он говорит по этому поводу:

«Когда-то в юности мечтал я стать педагогом... Чувствовал к тому способность. Но вот стал строителем. И педагогом тоже...»

Действительно, он стал настоящим педагогом. Только его ученики — это не школьники, сидящие за партой, а взрослые, уже сформировавшиеся люди, порой с нелёгкими судьбами. Такого не выставишь в коридор до конца урока за нарушение дисциплины и не вызовешь родителей для объяснения. К ним нужен особый подход.

Не давая себе никаких поблажек, умеет бригадир спросить с других, как говорится, на всю катушку. Только делает он это по-своему. Однажды объявил под конец смены: будет проверка — кто как за день поработал. И — рукой под кепку каждому: влажная голова — силёнок не жалел человек, а если сухие волосы — значит, больше перекуривал. Посмеялись тогда всей бригадой над такими не слишком радивыми трудягами, но уж зато наука пошла впрок.

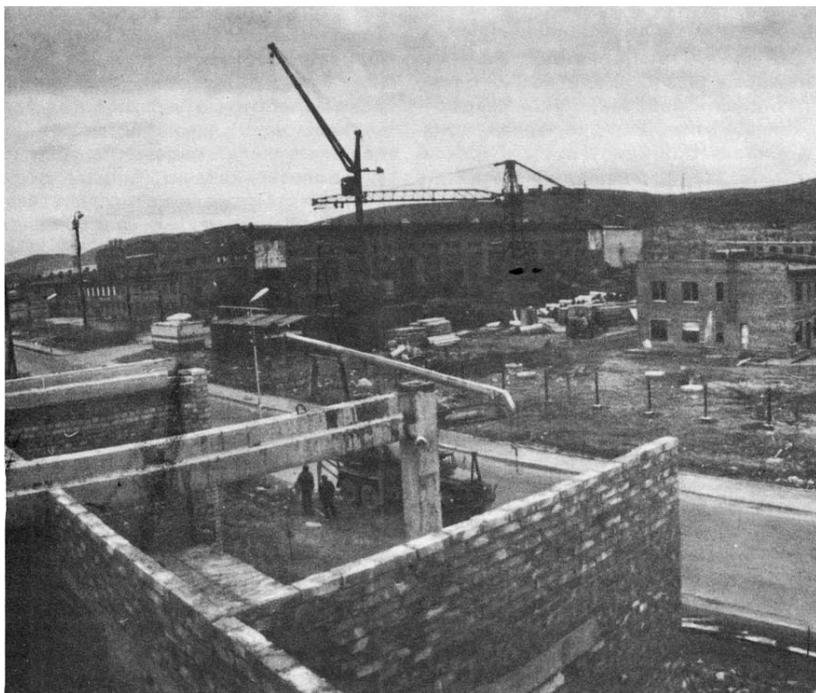
В другой раз заметил бригадир, что ходит с одного рабочего места на другое молоденький новичок и что-то всем рассказывает. Подошёл Владислав Пахомович поближе, услышал, что паренёк пересказывает заметку из газеты о том, как синица поселилась в бензовозе.

— Ну-ка, дай мне эту заметку,— сказал Сериков и вдруг крикнул: — Объявляется общее собрание бригады!

Через минуту-другую все окружили бригадира. А он спокойно развернул газету и начал вслух читать про ту самую синицу. Чтение заняло минуты полторы-две.

— Ну, все слышали? За полторы минуты все про синицу узнали. А вот наш молодой друг к каждому подходил и каждому про неё рассказывал. Посчитай-ка, — обратился он к густо покрасневшему пареньку, — сколько ты у бригады времени отнял? Часа полтора. Да ещё сам столько же времени бездельничал. Что лучше — прочитать газету всем сразу или, как ты, каждого от работы отрывать?

Так выглядела стройплощадка Мурманского мясокомбината.

Все хохотали. А новичку было не до смеха. Надо думать, наука, преподанная бригадиром, надолго ему запомнится. Впрочем, как и всем остальным...

* * *

После успеха на Южной никто уже не сомневался в эффективности бригадного подряда. И бригада снова заключила договор со СМУ-2 «Энергостроя», на этот раз — на строительство крупнейшего мясокомбината. Предстояло возвести огромный производственный комплекс, включающий перерабатывающие цехи, холодильные установки, десятки различных вспомогательных служб. Сметная стоимость всей этой машины составляла внушительную сумму — 5,7 миллиона рублей,

причём из них бригаде предстояло освоить 3,5 миллиона. Проектная мощность будущего мясного конвейера — переработка пятидесяти тонн мяса в сутки, выпуск пяти тонн всякого рода колбасных изделий. Холодильное хозяйство рассчитывалось на одновременное хранение двух тысяч тонн мясопродуктов.

Подобные производственные задачи бригаде решать ещё не приходилось. Но Сериков знал: и эта высота непременно будет взята его замечательными ребятами. Ведь позади уже был неоценимый опыт работы по бригадажному подряду, уже многое в его формах прочно вошло в жизнь. Но понимал Сериков и то, что теперь, в усложнённых технических условиях, потребуется другое.

Раздумывая о предстоящей работе, Владислав Пахомович полностью отдавал себе отчёт, что успех на Южной — это ещё полдела. Для окончательного торжества бригадного подряда мало одного энтузиазма и крепкой дисциплины, хотя эти факторы, конечно, абсолютно обязательны в начатом им деле. Чтобы подряд уверенно встал на ноги, нужен точный инженерный расчёт, включающий в себя не только работу самой бригады, но и всех смежных организаций и подразделений, нужна строительная наука, то, что привыкли мы называть научной организацией труда. А для этого требуются специальные знания, которых, как он сам отлично понимал, ему ещё не хватало. И Сериков мучительно искал выход из нелёгкого положения.

Помог случай. Вышел на пенсию опытейший мурманский строитель, старший прораб, бывший работник главка Фёдор Иванович Соляник. Сериков давно знал его как отличного организатора, человека энергичного и изобретательного. А как раз перед этим прочитал Владислав Пахомович очень интересную и поучительную книгу одного известного экономиста

об участии инженеров в работе низовых производственных звеньев.

Тут что важно: высвободить инженера от текучки. Пусть бригадир затопится об организации работы, о стройматериалах, о дисциплине и всяком прочем, а инженер должен думать. Свежим взглядом окинуть стройку, разглядеть то, что уже давно примелькалось и бригадире и рабочим. И станет он при бригадире чем-то вроде начальника штаба, а точнее — «линейным экономистом», то есть человеком, который будет разрабатывать стратегию бригады, уберечь её от потерь, находить наиболее рациональные решения.

А что, если привлечь в бригаду Фёдора Ивановича? Ведь он был одним из самых горячих сторонников бригадного подряда, в своё время поддержал идею Серикова. Уж с кем, с кем, а с Соляником найти общий язык можно. Школа у него богатейшая. Профессиональный строитель, он знал своё дело досконально. Работал на Сахалине, да и здесь, в Мурманске, чуть ли не на всех стройках. Вот только согласится ли?

А Соляник опередил Серикова. Пришёл к нему сам.

— Понимаешь, Пахомыч, врачи посоветовали мне не бросать совсем работу. Только не советуют в кабинетах просиживать. Может, к себе меня возьмёшь?

— Возьму! — обрадовался Владислав Пахомович. — И должность тебе подходящую придумаю. Дай только с ребятами поговорить...

Собрал Сериков свою дружину.

— Нужна нам умная инженерная голова в бригаде? — спросил он у своих сподвижников.

— Ясное дело, нужна! — за всех ответил Володя Герасимов.

— Есть у меня такая идея,— продолжал Владислав Пахомович.— Давайте зачислим инженера в бригаду простым рабочим, а норму за него сами выполнять будем. А он уж пусть думает, изобретает, подсказывает нам, как дело вести. Подходит?

— Подходит, очень даже подходит!— зашумели ребята.

Но одного одобрения бригады было мало. Нужно ещё было получить разрешение начальства. А в «Мурманскпромстрое» к просьбе Серикова отнеслись настороженно. Как это так: инженера — простым рабочим в бригаду! С законом плоховато согласуется. Почему люди за него должны норму выполнять?..

— Да вы поймите,—доказывал Сериков. — Бригада-то у нас не простая, а подрядная. Все люди на это добровольно идут, с полным сознанием. А инженер свою зарплату в пять раз окупит!

Не один день пришлось Владиславу Пахомовичу штурмовать кабинеты. Заручившись поддержкой областного совета профсоюзов, он наконец получил желанное разрешение...

Соляник же сразу понял важный смысл предложенной ему роли. Его увлекла идея Серикова, и он буквально с первых же шагов высказал дельные мысли.

Во-первых, складирование железобетонных колонн. Лежали они

навалом, как брёвна, загромождая строительную площадку. Людям невдомёк: всегда так было. Фёдор Иванович предложил: давайте ставить их вертикально и крепить — сразу же освободится место. Правильно! Другой вопрос. На стройку поставляют лес первого, второго и третьего сортов. Зачем нужен первосортный лес для той же опалубки? Дороговато выходит. Давайте брать третий — и дёшево и сердито. Тоже правильно!

Навёл Фёдор Иванович порядок и в другом важном деле. Бригада ведёт строительство мясокомбината в скальных породах. Первоначальный фронт работ ей, стало быть, готовят взрывники. А кто учитывает ручной труд бригады по расчистке площадки? Скажем, работники «Взрывпрома» так рванули скважину возле холодильника, что только-только возведённую стену завалило жёсткой породой. Расчищать кому? Бригаде. А это — прямой убыток, снова удорожается стоимость строительства. Сел Фёдор Иванович за письменный стол и принялся за расчёты. А вскоре взрывпромовцы получили точно обоснованный счёт за понесённые бригадой убытки. Деваться было некуда — пришлось раскошелиться. Зато потом «Взрывпром» повёл свои работы с оглядкой, чтобы снова не попасть на карандаш вьедливого Соляника.

Потом Фёдор Иванович предъявил счёт заводу железобетонных изделий. Проверил он соответствие осей железобетонных колонн, которые ставятся друг на друга в многоэтажном производственном корпусе, и установил, что завод выпускает их с грубыми отклонениями от нормы. И уж так навалился Соляник на поставщиков, что пришлось им исправлять, улучшать технологию производства колонн — важнейших деталей главного корпуса будущего комбината. На заводе уже давно знали: с бригадой Серикова шутки плохи.

Строительные рабочие знают, сколько времени и сил требуют сварочные работы. А тут отличную мысль подал неугомонный Фёдор Иванович. Предложил он для сварки швов использовать полуавтоматические станки, которые давным-давно валялись на складе. Почему-то считалось невыгодным пользоваться этими станками: норма работы резко возрастала. Обычным способом работа стоила дороже. Но именно это оказалось невыгодным подрядной бригаде. И полуавтоматы победно вошли в арсенал её технического вооружения. Так Фёдор Иванович оказал бригаде ещё одну важную услугу. Научил бывший прораб рабочих обращаться с теодолитом, с мерительными инструментами. Как и предвидел Владислав Пахомович, та зарплата, которая выплачивалась новому члену бригады, с лихвой была покрыта в самое короткое время. Инженер приносил коллективу доход в чистом виде. Он стал для него экономическим мозгом, своего рода центром рационализации производства. Это было как раз то, что, как воздух, нужно было бригаде. Произошло счастливое сочетание теории с практикой, что и даёт наибольший реальный результат. А если добавить к этому, что

благодаря своему опыту многолетней работы на стройках Мурманска был Соляник вхож в любую дверь многочисленных организаций, в том числе и снабженческих, то нетрудно понять, каким на редкость полезным человеком для бригады оказался Фёдор Иванович.

Сериков продолжал думать над изысканием новых резервов увеличения производительности труда. Его внимание привлекла, казалось бы, не очень заметная фигура на стройплощадке — электрик. Сколько времени в день тратит он на свои непосредственные обязанности? Ну час, в особых случаях — два. А остальное время? Включить электрика в бригаду! Пусть фонд его зарплаты войдёт в общий котёл и пусть работает наравне со всеми, а электричеством занимается, когда потребуется. Тем более, что электрику Александру Петровичу Филиппову хорошо знакомы многие строительные работы.

Филиппов доволен. Александр Петрович почувствовал, что теперь он здесь, на стройплощадке, — не пожарная команда, не просто лекарь электросети, а человек, вместе со всеми несущий ответственность за подряд. И вот это чувство ответственности и заставило его однажды в субботу и воскресенье без чьих-либо просьб заняться сложным ремонтом вышедшей из строя электросети. Сам лазил на столбы, сам выверял и налаживал всю проводку, потому что знал: бригада ни часа не может простаивать. А не будь он в составе подрядной бригады, полез бы он на эти самые столбы в свои выходные дни? Куда приятнее было бы посидеть дома, поваляться на диване или с приятелями встретиться. А Александр Петрович в первую очередь помнил о своих товарищах по бригаде.

— Посчитайте-ка,— сказал Сериков в управлении,— какой огромный эффект по стране может дать включение электриков в состав подрядных бригад. Только в таких бригадах обязательное условие — каждый рабочий должен владеть несколькими строительными специальностями.

Как ни странно, чем больше думал Сериков о делах, происходивших в бригаде, тем сильнее испытывал чувство неудовлетворённости.

В самом деле: ну, хорошо, что нашёлся у него такой неоценимый помощник, как Фёдор Иванович Соляник, человек, словно созданный для осуществления бригадного подряда. А если бы не оказалось рядом такого человека? Да и, по правде сказать, неловко всё же как-то просто выполнять за него рабочую норму. Такое надо как-то узаконить — добиться официального признания инженера в бригаде. А самое главное — очень жаль, что бригадиру не удаётся осуществлять инженерные функции — недостаточна техническая подготовка, вот он и ищет поддержки со стороны специалистов. Да, конечно, сам Сериков и его товарищи могли бы обойтись без инженера — хватило бы опыта, накопленных практических знаний (хотя, что и говорить, с Соляником дела пошли куда веселее). Но Владислава Пахомовича волновало будущее бригадного подряда в масштабах

всей страны. Значит, вывод один: нужно специально готовить руководителей подрядных бригад, давать им прочную основу инженерных знаний, учить глубоко разбираться в экономике строительства,

Возможно, пора подумать и о том, чтобы ввести в учебные программы среднетехнических учебных заведений строителей дисциплину бригадного подряда. Во всяком случае, Серикову было ясно, что для полного успеха дела без всего этого не обойтись...

Мысли о будущем подряда давно беспокоили Серикова. Может быть, именно поэтому он первым в городе начал новое хлопотное, но очень полезное дело — коллективное наставничество бригады над городским профессионально-техническим училищем № 14 и над 44-й средней мурманской школой, превратившееся в большую и плодотворную дружбу между старшими и младшими. Но об этом наш рассказ ещё впереди.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

А что такое талант? — Вызов принят. — Кто кого? — Звёздное состязание. — Пора формировать строительную дивизию

Я не могу припомнить человека более азартного, более увлекающегося, чем Владислав Пахомович Сериков. О чём бы он ни говорил — о бригадном ли подряде, о своих товарищах, о сыне, о красотах величавой и спокойной северной реки Туломы, — он весь загорается, в его тёмно-карих глазах пробегают искры. Для него совсем не пустые слова — рабочая гордость, трудовая честь бригады. Ему свойственно то здоровое честолюбие, которое приводит в движение творческие силы человека, заставляет его стремиться к высокой цели. Такое честолюбие — верный помощник таланта. А если нет желания и воли быть первым, нет всепоглощающей одержимости в достижении своей цели, — нет ни серьёзного соревнования, ни жизненного успеха.

Иногда Сериков спрашивал себя: а что такое талант?! Он помнил, конечно, горьковские слова, что талант— это в первую очередь труд,

И это были очень верные слова. Но давали ли они исчерпывающий ответ?

Правда, младенцы, мирно посапывающие во сне в своих кроватках, мало чем отличаются друг от друга. Но из одного и в самом деле вырастет общепризнанный талант, а другой, который сидел с ним за одной партией и, может быть, даже учился лучше его и трудился усердно, становится в конце концов середнячком, посредственностью. В чём же тут дело?

Слов нет, первое и самое главное — это одарённость. Но опять-таки, сколько было в жизни безрадостных случаев, когда со всех сторон перевозносят такого одарённого подростка, кричат без устали: «Талант! Талант!», а юное дарование, уверовав в свою необыкновенность, привыкнув, что всё ему даётся шутя-играючи, без натуги, вскоре

начинает думать, что дело в шляпе, теперь только купайся в славе и благополучии. Не тут-то было! Такой талант обречён. Зазнайство непременно приводит к поверхностности, душевной вялости. И такому таланту никогда не расцвести, не набрать силу. В конечном счёте, о человеке, утратившем целеустремлённость и волю, скажут традиционно-печальную фразу: «Зарыл свой талант в землю».

Выходит, надо приложить немало и физических и душевных сил, чтобы засверкал твой талант всеми гранями, наполнить свой труд богатым содержанием, хотеть быть первым в вечном соперничестве людей в их полезной трудовой деятельности. И Сериков вывел для себя формулу: талант — это одарённость плюс неистовый, самозабвенный труд, плюс неукротимое желание одержать победу на своём, раз навсегда избранном поприще в состязании с другими. А если человек жаждет доброй славы, нет в этом ничего зазорного. Пусть только завоёвывает он свою славу честным путём, собственным умом и настойчивостью доходит до высот мастерства, свято оберегая свою рабочую честь.

Владислав Пахомович никогда не скрывал своих мыслей от товарищей по бригаде. Наоборот, он всячески подогревал в них честолюбивые стремления и ещё там, на Аларечинской стройке, не упускал случая подразнить ребят:

— Эх вы, орлы... Да разве вы орлы? Орлы-то высоко летают — сами всех сверху видят и их всем снизу видно... Чтобы орлами стать, надо ещё крылья вырастить!

Ребята не обижались. Смысл слов бригадира им был ясен: надо так прославить себя добрыми делами, чтоб их, как киноартистов, узнавали на улицах.

Так оно и произошло впоследствии. Но к большой высоте их вела трудная каменистая дорога, жаркое соревнование с лучшими бригадами страны.

Бригада Серикова ещё в Заполярном познала истинный вкус трудового состязания.

Случилось так, что под угрозой срыва оказалась плановая сдача жилья. Легко представить себе, что значило это для рождавшегося города. Ведь в то время ещё немногочисленное население Заполярного обреталось в основном в постройках-временках, а сами строители и вовсе жили в палатках. И каждый новый жилой дом, сданный в эксплуатацию,— это было важное событие, а всякая задержка портила всем настроение, грозила оттоком людских резервов и всякими другими бедами.

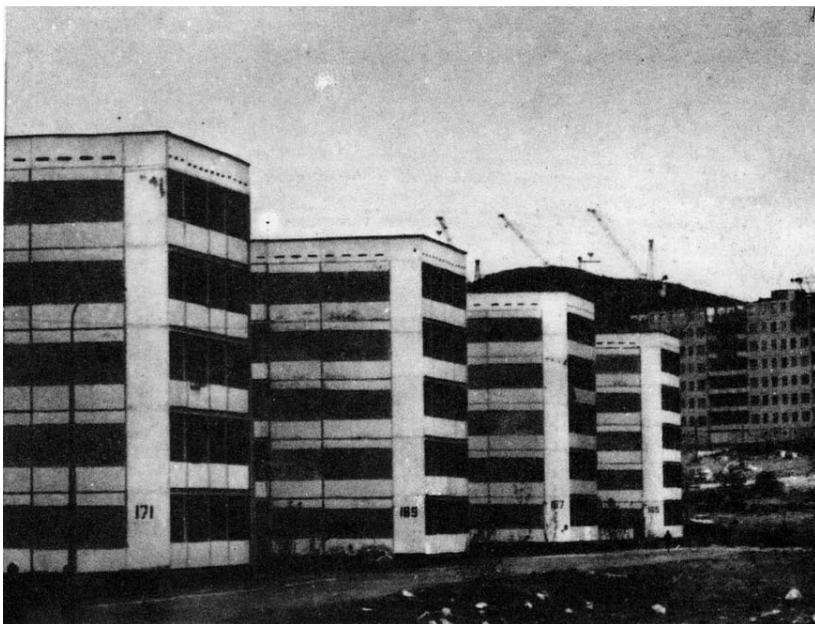
Вызвали Серикова в управление:

— Выручай, Пахомыч, со своими богатырями. Знаем: опыта жилищного строительства у вас нет, но ведь справитесь?

— Справимся! — уверенно ответил Сериков. — Только надо нам с кем-нибудь соревноваться, чтоб было с кого пример брать. И чтоб партнёр был достойный!

Таким партнёром стала опытная бригада Алексеенко, неизменно

Жилые дома в Заполярье.

державшая первенство в соревновании строителей жилья. Бригаде Серикова и их соперникам выделили по стоквартирному дому. Стали судить-рядить, какие будут условия соревнования. Управленцы сказали:

— Вот вам срок. Кто быстрее сдаст дом, да ещё с хорошим качеством, тот и выиграл. Будет победителям хорошая премия.

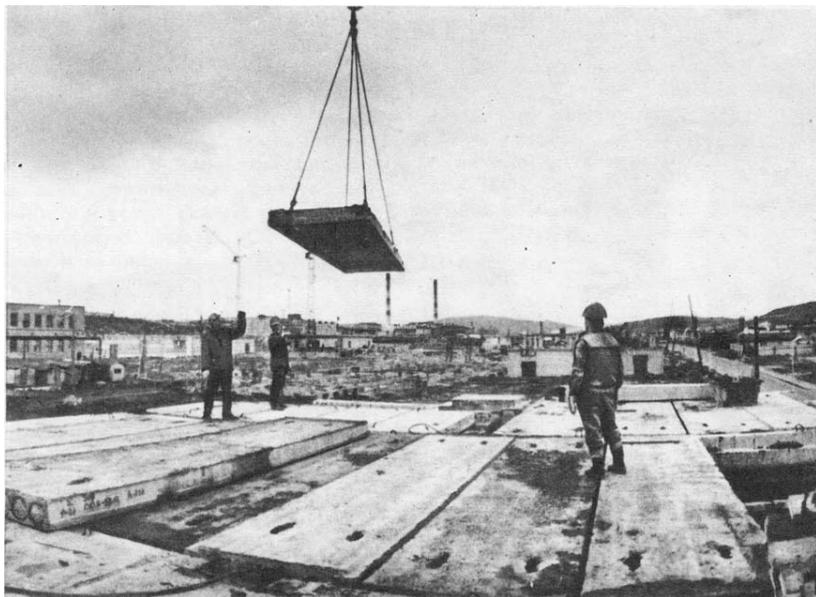
— Премия — это, конечно, годится,— сказал Сериков. — Только давайте так сделаем. Премия — премией, а победителям выделить ещё и одну квартиру...

Владислав Пахомович не зря попросил квартиру. У них в бригаде как раз образовалась пара молодожёнов — надо же им где-то гнездо свить. Но главное, если будут в бригаде знать, что для своих же товарищей стараются, то успех обеспечен.

Пожались, пожались управленцы, а потом ударили по рукам:

— Ладно, Пахомыч, быть по-твоему!

Монтаж здания.

Соревнование «промышленников» и «жилищников» началось.

Алексеенковцы уверенно двинулись вперёд. Десятилетний опыт жилищного строительства — не фунт изюму! А бригаде Серикова поначалу пришлось туго. Чертежи незнакомые, за что сначала хвататься? Не стеснялись, ходили к алексеенковцам, спрашивали. А те учили их снисходительно, как малых детей, и нисколько не сомневались, что победа будет за ними.

— Ладно, ладно, Пахомыч,— подзуживал его Алексеенко. — Так и быть, приглашаем вас премию обмывать...

— Спасибо, — в тон ему отвечал Сериков. — Не забудьте к нашим молодожёнам на новоселье прийти!

Впрочем, дело и в самом деле двигалось у бригады Владислава Пахомовича неважно. Отстала она от своего партнёра на этаж. Это грозило

Растут новые микрорайоны в столице Заполярья.

сокрушительным поражением. Но тут всё же сказалась промышленная смекалка.

Заметил Владислав Пахомович, что алексеевцы поднимают краном на этаж по одной-две детали. И пока их устанавливают, кран бездействует. А нельзя ли непрерывно доставлять детали, причём на разные этажи, чтобы на каждом образовывался запас? Ведь тогда фронт работ резко раздвинется. Строители не будут ждать, пока-то им детали доставят, а будут действовать непрерывно, как на каменной кладке. Это же какая огромная экономия времени получится! Тут и людей дополнительно не требуется — ведь принять деталь может каждый. Допустим, на втором этаже несколько человек ведут вспомогательные работы. Разве трудно им принять с крана детали? Ясное дело, нетрудно. Только действовать надо дружно, ведя счёт каждой минуте.

— Давай-ка, Борис, попробуй ты первым,— обратился Сериков к лучшему каменщику бригады Борису Борисову.

Наладили дело по-своему. И Борисов сразу же удивил всех, даже выдавшего виды Пахомыча: поставил за смену 77 деталей вместо 25 по норме. Рекорд! Алексеенковцы не поверили, пришли смотреть. Так и так проверили — всё точно.

Примчались из управления, прослышав о борисовском рекорде. Одобрили затею Серикова с подачей на этаж сразу большого количества деталей, захронометрировали рабочий день монтажника и... увеличили сменную его норму до 45 деталей.

Прямо скажем, алексеенковцы такому не обрадовались. Но делать нечего — соревнование есть соревнование, надо подтягиваться. А ребята из бригады Серикова уже окончательно разобрались, что к чему, и двинулись в наступление по всему фронту. За рекордом Борисова потянулись и остальные, и хоть таких темпов, как он, взять не могли, дело всё же заметно ускорилося. Осуществили и другую удачную идею: подавать на этажи кирпич и металлические плиты не краном, а лебёдкой. Результат: экономия примерно 250 подъёмов крана. А это — новый выигрыш во времени.

На четвёртом этаже бригада Алексеенко уже осталась позади...

На несколько дней раньше установленного срока стоквартирный дом был сдан государственной комиссии. Долго ходили по этажам строгие члены комиссии, только недоделок не обнаружили и вывели в акте оценку: «хорошо». Такую же оценку заслужили и алексеенковцы, только дом свой они сдали позже, чем «новички».

В управлении Серикову сказали:

— Слушай, Пахомыч, может, премию с Алексеенко пополам разделите? Неудобно всё-таки, они у нас самая передовая бригада...

— Ну уж нет, — отрубил Сериков. — Да как же я своим ребятам в глаза смотреть буду? Всё должно быть по справедливости... А уж с Алексеенко и его ребятами мы врагами не будем, не сомневайтесь...

В небольшой квартире молодожёнов народу набилось видимо-невидимо. Какой сидеть — стоять-то было негде. Пришли поздравить молодожёнов и алексеенковцы. И все поднимали бокалы за новую рабочую семью, желали ей счастья и благополучия.

— Ну, ты мне хороший урок дал, — сказал потом Алексеенко Владиславу Пахомовичу. — Честно говоря, я только теперь и понял по-настоящему, что такое соревнование. И всё вышло по-честному, по справедливости...

Вот такая история и произошла в своё время в городе Заполярном с бригадой Серикова. Много воды утекло с тех пор...

С сильным соперником соревноваться интересно, — говорит Владислав Пахомович. — Все горят, стараются... Вот поэтому теперь мы и соревнуемся с двумя лучшими подрядными бригадами страны —

Инициатор внедрения бригадного подряда в жилищном строительстве Н. А. Злобин (слева) и инициатор внедрения бригадного подряда в промышленном строительстве В. П. Сериков.

зачинателя бригадного подряда в жилищном строительстве Николая Злобина из Подмосковья и ленинградца Ивана Шевцова.

У всех троих бригадиров горят на лацкане пиджака Золотые Звезды Героев Социалистического Труда. Они заключили договор ещё в 1971 году. С тех пор и продолжается это звёздное состязание.

Это не просто подведение итогов — кто больше, быстрее и лучше сделал. Это ещё — что самое важное — всесторонний обмен опытом, постоянное совершенствование, шлифовка самого метода бригадного подряда, организации строительного потока, системы поощрения отличившихся и, конечно, устранение просчётов.

Москва — Ленинград — Мурманск — хорошо отработанный маршрут для этих трёх состязающихся боевых строительных отрядов. Прослышат мурманчане, что москвичи или ленинградцы набрали на нечто новое, полезное — не теряя слов, в поход, за наукой.

А ленинградцы — к мурманчанам и москвичам, москвичи — к ленинградцам и мурманчанам. И всё, что годится в дело, что рождается в ходе соревнования, немедленно принимается на вооружение.

Стал Сериков вводить в орбиту бригадного подряда смежников — монтажников и отделочников,— коллеги по соревнованию тут же заинтересовались. И не удивительно, потому что цель подряда, как мы помним, — ускорить сдачу объекта в эксплуатацию. Но ведь мало построить коробку здания, её надо ещё и «начинить» всем необходимым: установить оборудование, подвести инженерные сети и коммуникации, произвести полную отделку — словом, бери, будущий хозяин, ключи и владей новым сооружением! А самый короткий путь к этому — заключить договор со смежниками, то есть вести на объекте работы подрядным методом комплексно. И уж тут смежники будут точно по сетевому графику вступать в работу, вместе с общестроительной бригадой сокращая дорогу к тому праздничному дню, когда подписывается акт о приёмке объекта. Так с лёгкой руки Серикова комплексный строительный поток вступил в действие и у партнёров по соревнованию.

Заинтересовались москвичи и ленинградцы опытом удачного использования сварочных полуавтоматов — тех самых, что поставил на службу бригаде Фёдор Иванович Соляник,— и отрядили в Мурманск гонцов: пусть хорошенько всё разузнают.

Николай Анатольевич Злобин много раз, выступая на различных совещаниях, в печати, говорил о необходимости самым серьёзным образом заниматься инженерной подготовкой производства. И сам в этом деле добился немалого своей требовательностью, настойчивостью, бескомпромиссностью. Это тоже наука товарищам по соревнованию.

А ленинградцы славятся своей чёткостью организации труда. Благодаря ей достигли они внушительных результатов, например, на каменной кладке: при норме 1,9 куба кирпича в смену у них — около трёх кубов. Правда, в бригаде Серикова тоже есть свои мастера кладки; скажем, Борис Борисов за смену может семь кубов выложить. Но он признанный рекордсмен, а у ленинградцев три куба на круг — норма. Значит, и тут есть чему поучиться.

Во всех трёх бригадах чуть ли не каждый второй — рационализатор; у Шевцова, например, монтажник Михаил Мишин предложил своим товарищам работать двумя кранами в ночную смену. Мурманчане насторожились. Как так: технику беречь надо, уже был у них такой опыт — оказалось, что маломощным краном работать выгоднее, чем большим, а тут ещё вместо одного два крана. Не убыточно ли? Выяснилось — нет. Потерь бригада не понесла, потому что второй кран на стройке по объёму работы всё равно нужен, а использование его в ночной смене — прямая прибыль, оборудование благодаря этому загружено полностью.

Идеей Мишина, конечно, стоило воспользоваться в аналогичных условиях, что и сделали москвичи.

А ленинградцы переняли у них другое — подачу раствора с помощью раздаточного бункера: и время экономится и работать легче...

Вот так и соревновались они, учась друг у друга, на лету подхватывая свежую мысль, хорошую находку.

Всё это навело Владислава Пахомовича на новые размышления. А что, если объединить усилия подрядных бригад? Не тех, конечно, которые разбросаны в разных концах страны, а тех, которые работают в одном территориальном районе. Ведь куда эффективнее можно тогда использовать и технику и людские резервы. В Мурманске есть по крайней мере три-четыре подрядные бригады, которые все вместе могут стать мощным строительным подразделением, — это его бригада, бригада Виктора Гуцало (предвидение Владислава Пахомовича сбылось — недавно бывший заместитель и ученик сам возглавил коллектив) и бригада В. И. Нилина. Разве не выгодно собрать их силы в один кулак?

Речь идёт, конечно, не о механическом объединении трёх или четырёх лучших коллективов. Это не дало бы никаких результатов. Дело совсем в другом. Владислав Пахомович рассуждает так. Если перейти к коллективному подряду (так он называет пока эту новую, не родившуюся ещё форму организации строительного потока), то откроются почти неограниченные возможности совершенствования управления всем строительным процессом.

Ведь что сейчас получается? Ясное дело, бригадный подряд — метод прогрессивный, жизненный. Но при всём при том каждый бригадир заботится только о своём объекте, старается и материалами бригаду обеспечить, и техникой, и всем остальным. Но как там ни крути, а делается это иной раз за счёт других. А что получится при коллективном подряде? Если будет создана такая строительная дивизия, местнические настроения уйдут в прошлое. Возглавлять её будет совет бригадиров, которому и надлежит координировать действия всех «полков» этой дивизии. Например, образовался на одном из объектов недостаток техники — совет решает перебросить часть её с другого объекта, где обстановка полегче. Где-то вдруг застопорились монтажные работы — послать туда лучших мастеров.

Дальше — больше. Можно уже думать о создании большого строительно-индустриального комплекса, включающего и смежников, и поставщиков, и транспортников, действующего на едином подряде. Но об этом Владислав Пахомович пока размышляет. А идея, право слово, заслуживает того, чтобы её хорошенько обдумали в штабах нашей строительной индустрии.

Вот уже несколько лет бригадный подряд победно шагает по стране, с каждым годом раскрывая всё новые свои возможности. Под его флагами уже тысячи бригад. Но, как и следовало ожидать, подряд быстро перешагнул рамки строительного дела. Он уже властно заявил о себе и

в промышленном производстве. Его уже давно с успехом использует, например, бригада водителей Московского автокомбината № 29, возглавляемая известным новатором Е. Федюниным. А вслед за ним взялся внедрить подряд бригадир В. Чичков из автотранспортной колонны треста «Апатитстрой». На Оленегорском горнообогатительном комбинате уже не первый год и с неизменным эффектом использует этот действенный метод экипаж экскаватора В. Степова. Подрядные бригады возникли на комбинате «Печенгоникель», в мурманском объединении «Судоверфь», в Ёнском леспромхозе. Берутся за подряд нефтяники, горняки, железнодорожники, и везде сопутствует ему успех.

А Владислав Пахомович считает, что бригадный подряд применим даже в кинопроизводстве.

— Подумайте сами, — говорит он. — Ведь на каждый фильм составляется смета. Как на строительство завода, санатория, спортивного комплекса, жилого дома. Стало быть, в руках руководителя киногоруппы сосредоточиваются определённые средства. Расходовать их можно по-разному. Можно снимать в павильоне, а можно всей группой ехать на съёмки за тридевять земель, даже за границу. Ясное дело, стоимость разная выходит. И ни для кого не тайна, что смета чаще всего оказывается перерасходованной. А если применить здесь бригадный подряд? И выплачивать работникам кино большие премии за сокращение срока выпуска фильма, за сэкономленные средства по всем статьям сметы? Я, конечно, не хочу упрощать. Есть творческие особенности в кинопроизводстве и с ними нельзя не считаться, но кино — это всё же не только идеология и художественное творчество. Это ещё и экономика... Полагаю, тут тоже есть над чем подумать...

Сериков лукаво улыбнулся и добавил:

— А то ведь как выходит? Чем длиннее фильм, тем больше киношники денег заработают. Вот режиссёр и старается — делает картину серий а пять, а то и больше. А ему за глаза и одной серии хватило бы... Честное слово, я бы самые большие гонорары платил за односерийные фильмы, но уж зато такие, как «Чапаев» или «Броненосец Потёмкин»...

* * *

Соревнование трёх прославленных бригад шло с переменным успехом. То по итогам квартала вперёд вырвутся москвичи, то лидерство захватят мурманчане, то победителями выходят ленинградцы.

— Это хорошо, — говорил Владислав Пахомович. — Нельзя кому-то одному всё время быть первым. Так и почить на лаврах недолго, облениться. А когда тебя обгонят — будто сил прибавляется, самолюбие заедает. Правильно я говорю, ребята?

Но дело, разумеется, было не только в самолюбии. Соревнование помогало им всем сохранять боевой дух, не прекращать поисков нового,

Плакат. Бригады соревнующихся бригад В. Сериков, И. Шевцов, Н. Злобин (слева направо).

изыскивать резервы там, где они, казалось, уже давно были исчерпаны. И потому неуклонно росла выработка на каждого рабочего, всё весомее становились цифры экономии, увеличивавшие и личный счёт бригад.

Самой главной своей победы все три бригады достигли почти одновременно: каждая из них выполнила свою пятилетку за три с половиной года. И тогда произошло событие, которое волной радости подступило к сердцу: в газетах было опубликовано приветствие Центрального Комитета КПСС бригадам Николая Злобина, Владислава Серикова и Ивана Шевцова, добившимся выдающихся результатов в освоении подрядного метода.

— Ну, братцы, — с волнением произнёс Сериков, прочитав вслух ребятам приветствие Центрального Комитета партии, — теперь нам ещё выше свою марку держать

надо!..— Голос его сорвался, и вдруг он совсем мягко сказал: — Орлы вы мои дорогие...

А соревнование всё набирало мощь. Ему уже становились тесны бригадные рамки. Снова заседают строительные штабы, в партийных и профсоюзных органах обсуждается жизненно важный вопрос: как дальше вести соревнование? Все приходят к выводу: настало время вести его более крупными подразделениями. Пускай продолжают соревнование бригады, но пусть теперь состязаются в применении бригадного подряда и стройуправления и тресты...

Вот, оказывается, какой живительной творческой силой обладает подряд, вызвавший не только новый бурный подъём социалистического соревнования, но и заставивший взглянуть на дело шире, определить и ввести в действие новые, ещё не использовавшиеся формы трудового состязания.

Всё это неизбежно сказалось и на людях бригады Серикова. Они не только завоевали признание, обрели всесоюзную славу, но и выросли как духовно, так и профессионально. К ним пришла зрелость.

Интересный доклад.

С лёгким сердцем благословил Владислав Пахомович своего верного помощника Виктора Гуцало на бригадирство. Тем более, что он сразу же объявил, что не мыслит работы без бригадного подряда.

Так вышло, что обе бригады работали на соседних объектах. Сериков продолжал возводить мясокомбинат, а бригаде Гуцало поручили строительство другого большого комплекса — мелькомбината. Виктор загорелся:

— Пахомыч, давай бригадами соревноваться! Вот посмотришь, обгону тебя!

— Что ж, я не против, — улыбнулся Сериков. — Только не спешишь ли? Может быть, поначалу надо дело хорошенько наладить, а уж потом на бой выходить?

— Всё в порядке! — убеждённо сказал Виктор. — Что ж я, даром у тебя науку прошёл? Будем договор готовить!

«Самолюбивый парень, — с удовлетворением подумал Владислав Пахомович. — Толк будет, только вот горячку пороть не надо бы...» Он хорошо понимал горячность Гуцало. Не терпелось тому сразу же утвердить себя как руководителя, первым же успехом завоевать авторитет у своих товарищей по бригаде. И Сериков снова подумал, что вот, стало быть, есть в человеке настоящая спортивная злость, без которой не может быть ни настоящего мастера своего дела, ни жоака...

Своим заместителем Владислав Пахомович назначил Бориса Борисова. На него он мог положиться, как на самого себя. Вместе бедовали в Заполярном, делили все тяготы жизни на 69-й параллели. Там, в Заполярном, и появился на свет сын Борисова. У него в свидетельстве о рождении так и записано: «Место рождения — город Заполярный». Борис Борисов, высокий плечистый человек, прошёл самую суровую выучку в бригаде. Каменщик, которому цены нет, владеет любой строительной специальностью. Был председателем совета бригады — а это очень серьёзная школа работы с людьми.

Назначение Борисова встретили в бригаде как дело естественное. Только стал замечать бригадир, что уж очень круто взялся Борис за свои административные обязанности. Покрикивает на людей, дёргает по малому поводу, грозитя то и дело. И кое у кого заскользили по лицам улыбочки: вот, мол, дорвался до командирства. Пришлось Владиславу Пахомовичу вмешаться. Только сделал он это опять по-своему, по собственной педагогической науке.

Как-то после смены подгадал он пойти домой вместе с Борисом. Пошли не спеша, пешочком, говорили о том о сём, а о бригадных делах — ни слова. Уж когда прошли с полдороги, не выдержал Борис, сам пошёл на тяжёлый для него разговор:

— Не ладится у меня что-то, Пахомыч. Может, не надо мне в заместителях? Какой из меня командир? Чуть не со всеми ребятами перессорился... Пойду-ка я в рядовые.

Сдрейфил, значит, — нахмурился Сериков. — А я-то думал, ты мне помощник, правая рука. Не выйдет!

— Если доверили тебе — выполняй, и на всю совесть!

— А я что — без совести? — обиделся Борис. — Ну, не получается, авторитету мало...

— Дурень, — беззлобно бросил Сериков. — Сразу ничего не бывает. У одних быстрее выходит, у других — медленней. А с тобой давай так договоримся. Два месяца никого не ругай, голоса не повысь! Понял? А там посмотрим...

Два месяца крепко держал себя в руках Борис. Если требовалось, замечания делал, но делал спокойно, без надрыва. И люди слушались его, потому что видели — замечания-то дельные, не пустяковые. Как и прежде, когда нужно было, становился Борис рядом с любым рабочим и действовал инструментом всем на загляденье.

Прошло время, и Владислав Пахомович, посмеиваясь, спросил Бориса:

— Ну, как оно лучше — криком или умом?

— Умом-то лучше, — улыбнулся Борис, — спасибо за совет, Пахомыч!

... Подвели первые итоги соревнования с бригадой Гуцало. На стол легли стройные колонки цифр, со всей ясностью рассказывавшие, как потрудился каждый коллектив. К великому огорчению Виктора, бригада Серикова вышла вперёд по всем показателям.

— Не пойму, Пахомыч, в чём дело, — сокрушённо сказал Гуцало. — Вроде всё по-твоему делаю, а отстал...

— Нет, Витя, не всё по-моему, — ответил Владислав Пахомович. — Я ведь знаю, ты даже на сверхурочные людей оставлял. Они у тебя и в субботу и в воскресенье работали. Думал быстрее дело сделать, план вытянуть? А ведь сверхурочные — это прямое удорожание стоимости работ, стало быть — во вред подряду. А у нас в бригаде помнишь, какой закон? Пятидневка! Значит, в чём вопрос? В организации дела. Надо стараться вперёд видеть, где может прорыв образоваться, куда и какую технику сподручнее определить и, ясное дело, кому кого в напарники дать... Давай лучше так условимся: соревноваться будем, пожалуйста, но заключим, так сказать, неписаное соглашение о взаимопомощи... Мы тебе в трудную минуту не откажем, а ты — нам. Как, подходит идея?

— Очень подходит, — обрадовался Виктор.

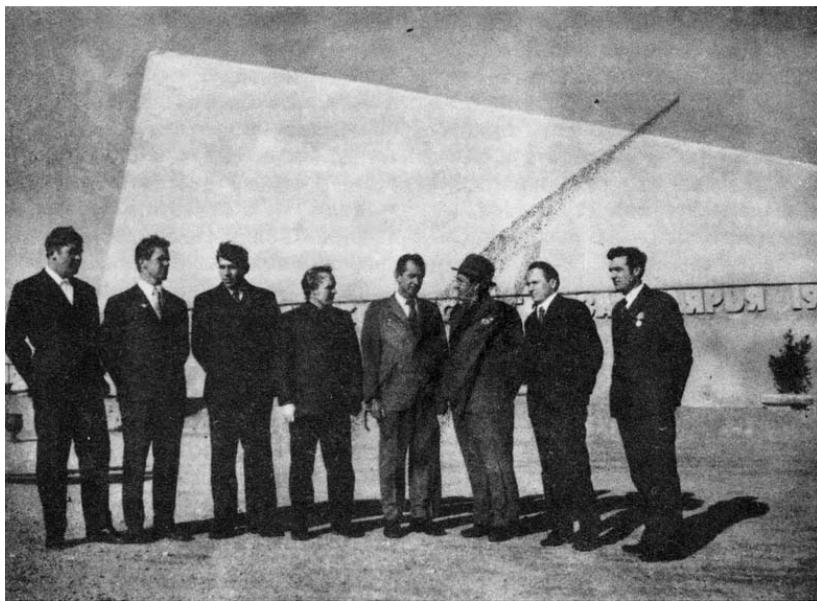
А Владислав Пахомович подумал: что ж, может быть, это и есть исток коллективного подряда...

Настроение в тот день было у Пахомыча отличное. Он шёл домой, не чувствуя усталости, и перед его глазами стояли лица его товарищей. Он шёл и думал, что, наверное, ему повезло, что встретился он с ними на своём жизненном пути.

Впрочем, почему — повезло? Так оно и должно было случиться. Потому что здесь, на Севере, не задерживаются слабые духом или себялюбивые люди. Север буквально переплавляет людские характеры, отбрасывает шлак, выкристаллизовывает всё лучшее и доброе.

Есть люди, которые приезжают сюда с единственной мыслью —

Сколько дорог они прошли вместе!

набить мощну. Как правило, они уезжают, едва кончится договорный срок. А иные и просто дезертируют, почувствовав, что не выдерживают неудобств полярной ночи и шалостей полярного дня (поди-ка засни, когда вовсю светит солнце, а считается, что ночь). Но уж зато те, кто приехал сюда, в этот суровый край, с чистым сердцем, навсегда привязывались к нему и уже не мыслили своей дальнейшей жизни без этих седых сопок, без северного сияния, без буйного весеннего цветения.

Были в бригаде два случая. Уезжали в родные места хорошие, порядочные люди. Отработали по многу лет, заслужили всякие льготы и надбавки, но всё же решили: пора домой. Проводили их честь по чести, пожелали всего хорошего. Пишите, мол, не забывайте!

И полугодом не прошло, как вернулись они в Мурманск!

— Как же так? — притворно удивился Пахомыч. — Уже надоело дома? Опять к нам в гости? Или насовсем?

Не в гости. А домой мы приехали, — в сердцах ответил один из вернувшихся.

Уж кто-кто, а Владислав Пахомович знал, как дорого оно, счастье...

Он нисколько не удивился, увидев снова этих людей после полугодовой отлучки. Не через полгода, так через год, а всё равно вернулись бы они в Мурманск, потому что, как невидимым магнитом, притягивает к себе этот край тех, кто хоть однажды почувствовал его красоту и силу. И Сериков знал, что уехавшим долго не выдержать без студёного, но уже ставшего родным дыхания Севера, без товарищей, с которыми вместе ломали ледяную броню и воздвигали города, заводы, плотины в некогда дикой тундре — и это была их главная гордость и их счастье...

* * *

Говорят, что хорошие идеи рано или поздно, а всё равно пробивают себе дорогу. Это Сериков знал по опыту. Но знал он и то, что ничто не делается само собой, ничто с неба просто так не падает.

А идея коллективного подряда всё больше не давала ему покоя. При случае он заговаривал о ней то в управлении, то в горкоме, то на каком-нибудь совещании, сидя в президиуме. Конечно, надо было пользоваться всяким случаем, чтобы мало-помалу, а заставить ответственных людей задуматься над его словами. Он нарочно вступал в спор, стараясь собрать аудиторию пошире: пусть слушают.

— Да ты смеёшься! — отмахивались от него иные руководители. — Таких чудес наделал — и всё тебе мало... Бригадный подряд ещё до конца не освоен, он только раскручивается, а ты опять замахваешься...

— Вы поймите,— гнул своё Сериков,— известно же, одна ласточка погоды не делает. Так и одна-две бригадные бригады всему управлению план не вытянут. Ведь другие-то бригады будут отставать...

— Почему же это — отставать? А если и отставать, тебе-то чего волноваться? Подрядной бригаде сам знаешь, какое внимание — на неё всё управление работает. Тебе и техника и материалы — в первую очередь!

— Вот-вот, — набычивался Сериков. — А разве это справедливо? В тех-то бригадах дело через пень-колоду идёт, люди от этого страдают. А вы на подряд их не ставите — боитесь, не справитесь... А мы что: мы, конечно, молодцы!..

— Ну и силён ты, Пахомыч! Ведь помнишь, все печёнки нам проел: обеспечьте бригаду — дадим рекорд выработки...

— Правильно! И мы дали рекорд,— усмехнулся Сериков. — А если б я вам не проел печёнки, вы бы бригадный подряд в бумажном болоте утопили.

— Так чего ж ты теперь хочешь?

— Хочу, чтоб мы умными людьми были. Зачем нам в управлении девять бригад? Пускай будет четыре, зато все подрядные — крепкие, боееспособные. Штат можно сократить, а план увеличить. За успех ручаюсь!

— Да что спешить-то? Ведь дело идёт неплохо... Зачем бога гневить?

— Не гневить, я верно говорю.

Ведь мы не отдельные дома строим, где с лихвой одной бригады хватит, а комплексы! Огромные промышленные комплексы, которые несколько миллионов рублей стоят. Убеждён я, совершенно убеждён, что пора расширять бригадный хозрасчёт, если мы всерьёз хотим хозяйствовать по современному...

Аргументы Серикова звучали убедительно. И вскоре от разговоров, так сказать, неофициальных дело перешло в стадию тщательного обсуждения в руководящих партийных и строительных инстанциях области.

К чести бригадира, сумел он до конца отстоять свою идею, обрёл в спорах сторонников. И была в порядке опыта сформирована та самая строительная дивизия, о которой мечтал Владислав Пахомович. Четыре подрядные бригады — четыре «полка», слитые в единый организм,— сложились в легко управляемую систему, которую и возглавил совет бригадиров. Ну, а кто стал председателем этого совета, догадаться нетрудно...

Руководство одной из новых бригад по предложению Владислава Пахомовича поручили Володе Герасимову. Тому самому, которого в своё время из педагогических соображений Сериков сместил с должности заместителя бригадира. В управлении Сериков сказал:

— Человек заметно вырос. В партию недавно его приняли. Опыта работы — не занимать... Уверен, справится.

Слово Серикова — веское слово. И стал Володя Герасимов бригадиром. В тот знаменательный, рубежный для него день состоялся важный разговор.

— Сам понимаешь, какое дело тебе доверили, — сказал Владислав Пахомович. — Учить тебя не буду, надеюсь, выучил... Только главное помни: в людях надо в первую очередь хорошее искать, а плохое от них отстанет. Вспомни, у тебя жизнь не гладко складывалась...

Пахомыч никогда не напоминал Володе о его прошлом. Но в этот момент вспомнить было нужно. И прав он был, что называется, на сто процентов...

Родом Володя с Псковщины, из «скобарей». Их край славился тем, что делали мужики отменные скобы, на всю Россию славились, так их и прозвали — «скобарями». И были они все гордые, ершистые, но хозяйственные, умелые.

Володя рано уехал из села искать счастья. Только фортуна не сразу повернулась к нему лицом и не сразу он угадал, что же такое — счастье. Побродил по белу свету, спутался, на свою беду, с дурной компанией. Угодил в исправительно-трудовую колонию. Зато уж усвоил навсегда: по жизни надо идти только прямым путём...

— Помнишь, новичок к нам в том году в бригаду пришёл? — продолжал Сериков. — Прогулял два раза по глупости, а ты его как? Вон из бригады, и дело с концом! Нет, брат, если не мы, то кто ж с этим пареньком возиться бы стал?

Володя поскрёб подбородок:

— Куда деваться — правильно говоришь... Парнишку этого я к себе в бригаду возьму, не возражаешь?

Владислав Пахомович согласно хлопнул Володю по плечу.

... Первые же итоги работы четырёх подрядных бригад со всей убедительностью показали: курс взят верный. Сократились простои техники, уже «накоплены» дни, сэкономленные на сооружении промышленных предприятий. На счёт государства и бригад с привычной уже систематичностью и щедростью поступают средства, сбережённые строительными «полками» под водительством опытных вожakov.

Но это ещё только начало. Владислав Пахомович трезво и расчётливо смотрит на ход событий. Новый механизм ещё долго, может быть не один год, придётся отлаживать, искать наиболее рациональные и эффективные методы использования людской силы и техники. Только в одном он совершенно уверен: хоть и нелёгко будет вновь избранный путь, но и он неизбежно приведёт к общему успеху.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Каким будет пополнение? — Бригада — школа — ГПТУ, — История Саши Ш. — Однажды в мурманском театре... — Рассказы бывалого разведчика. — Член учёного совета академии. — На кубок имени бригады Героя Социалистического Труда В. П. Серикова

А теперь вернёмся к тому, что было сказано в конце третьей главы нашего рассказа о Владиславе Пахомовиче Серикове и его товарищах — о большой дружбе между рабочей бригадой и школьниками.

Вот какие строки есть в сочинении ученицы 10-го класса «Б» 44-й мурманской средней школы Нины Черемхиной:

«Такие люди, как Герой Социалистического Труда В. П. Сериков и все рабочие его бригады, живут и работают по-ленински. Многих наших ребят, и меня тоже, встречи с бригадой, а потом совместный диспут на тему «Современный рабочий. Каков он?» заставили задуматься об очень важных вещах: о своём месте в жизни, обо всей нашей стране».

Диспут, о котором упомянула Нина, без преувеличения можно сказать, всколыхнул всю школу. Всем его участникам — рабочим бригады Серикова, учащимся городского профтехучилища № 14, школьникам — особенно запомнился вопрос, который десятиклассница Галя Сенникова задала сварщику Юрию Бергу:

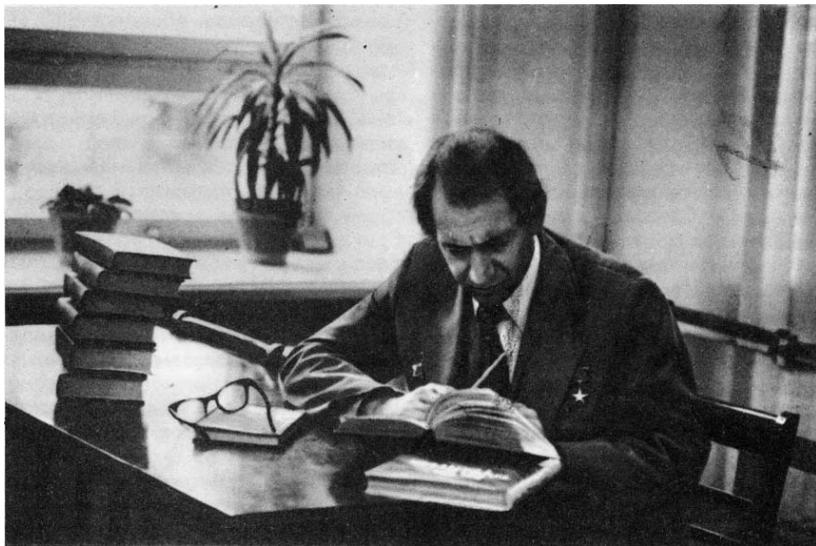
— В чём смысл вашей жизни?

И он сказал:

— Не простой вопрос... Но ответу так. Когда я чувствую, что без меня не могут обойтись, зовут туда и сюда, — вот и к вам меня бригадир попросил поехать, что ж, я рад, дело нужное, интересное; когда я вижу, что мной довольны, что труд мой необходим, — я счастлив. В этом и есть смысл моей жизни...

Слова эти были встречены аплодисментами. Потому что каждому пришлось по сердцу: и тем, кому ещё предстояло решать самый главный вопрос в жизни — кем быть, — и тем, кто пришёл к своим юным друзьям,

Для занятий тоже нужно выкроить время.

чтобы рассказать им о замечательных делах бригады, помочь разобраться в качествах современного рабочего. Он долго ещё продолжался, этот диспут, — на школьных переменах, в учебных мастерских и на строительной площадке...

Содружество бригады, школы и училища продолжается уже несколько лет. По инициативе своего бригадира рабочие осуществляют над двумя учебными заведениями шефство особого рода, которое получило название коллективного наставничества.

Произошло это совсем не случайно. В своё время в социалистические обязательства бригады был вписан весьма примечательный пункт:

«Бригада обязуется проводить в подшефной школе работу по профессиональной ориентации учащихся, наладить шефские связи с одной из групп строительного профтехучилища, предоставлять места учащимся ГПТУ для прохождения производственной практики, руководителями-наставниками практикантов закреплять лучших своих специалистов».

Пункт этот появился в обязательствах потому, что Владислав Пахомович имеет на сей счёт совершенно определённое мнение. Он считает, что бригадный подряд будет иметь полный успех только в том случае, если производственная деятельность рабочего коллектива будет тесно сплетаться с общественной, с воспитательной работой как внутри бригады, так и вне её. А кроме того, рабочим вовсе не безразлично, какое пополнение придёт на строительные площадки: молодые «летуны», которые, перебившись в бригаде месяц-другой, кинутся искать счастья туда, где полегче, или люди, уже подготовленные морально к самостоятельному труду, умеющие видеть главное в прекрасной профессии строителя.

Так бригада и стала коллективным наставником молодых, а её совет в известной мере стал ещё и педагогическим советом. Наставничество вошло неотъемлемой, органичной частью в жизнь бригады. Родился первый в стране прочный треугольник делового и очень полезного сотрудничества школы, училища и передового строительного коллектива.

Вот что думает об этом энтузиаст коллективного наставничества, опытнейший педагог, у которого половина Мурманска — бывшие ученики, директор 44-й школы Фёдор Михайлович Рыжов:

— Основную пользу такого наставничества мы видим в благотворном, поистине высоком нравственном влиянии на школьников заслуженных рабочих, многие из которых отмечены правительственными наградами. В трудовом воспитании, в непосредственном общении с людьми труда в школе и на производстве на деле осуществляется профессиональная ориентация...

Полностью согласен с директором школы старший мастер производственного обучения ГПТУ Виктор Иванович Митрягин:

— Благодаря содружеству с бригадой мы имеем возможность воспитывать ребят на конкретных жизненных, примерах. Они своими глазами видят замечательные плоды труда большого рабочего коллектива, начинают сами разбираться в результатах применения экономических рычагов в строительстве, учатся мыслить современными масштабами.

Владислав Пахомович к этому добавляет:

— А нам важно не столько кем будут наши подопечные, а какими они будут. Ведь вовсе необязательно всем им идти на стройку, хотя мы, конечно, рады их приходу. Одни из них пойдут в высшие учебные заведения, в техникумы, кто-то, может быть, вообще изберёт себе другую специальность — станет врачом или учителем, токарем или слесарем, — не в этом суть. Важно, чтобы в результате нашего сотрудничества, нашего совместного труда появилось у молодых людей уважение к тому, что создаётся человеческими руками и умом. Вот если с такой здоровой моральной основой выйдут они в жизнь, мы будем считать, что дело своё сделали...

Нет, это не такое шефство предприятия над учебными заведениями, когда придут дорогие шефы, пройдутся по школе и, сияя от собственной щедрости, подарят ей рояль и сочтут свою миссию выполненной. Нет! Здесь речь идёт о глубоком взаимодействии всех трёх звеньев, о повседневном их сотрудничестве, которые и приносят немалую пользу как подросткам, так и взрослым.

К участию в диспуте, например, почти месяц готовились школьники и учащиеся ГПТУ вместе со своими преподавателями, рабочие бригады. И те и другие перевернули горы литературы, продумывали вопросы и ответы, искали самые убедительные жизненные примеры. Рабочие приходят в школу всегда подтянутые, наглаженные, в галстуках, с накрахмаленными воротничками, девушки — в модных нарядных платьях. Обязательно — при всех орденах и медалях. Ребята чувствуют, что к ним пришли серьёзные, отличившиеся в труде люди, пришли не просто показаться во всём блеске, а поговорить на равных, высказать откровенно своё мнение, зажечь рассказом об одной из самых древних и самых нужных на земле профессий.

А лёгкое ли это дело — выступать публично? Не каждый может преодолеть внутреннюю робость, переступить тот барьер, за которым начинается живое общение с аудиторией. Правда, у тебя есть то неоценимое, чего ещё нет у ребят, — богатая трудовая биография, высокое мастерство, жизненный опыт. Но готовиться надо хорошенько, набираться знаний, чтобы не выглядеть серым воробьём.

Конечно, никто из рабочих при подготовке к диспутам и встречам со школьниками не достиг академического уровня. Да и никто не ставил перед собой задачи экстерном всё постичь, всё узнать. Такое просто невысказано. Во всём этом главное — другое. Теперь у каждого из рабочих появилась потребность больше знать, раздвинуть свой кругозор, стремление лучше, свободнее, культурнее владеть своей речью. Вот что замечательно!

И когда Анатолий Жаринов, профгруппорг бригады, кавалер двух орденов, рассказывал на одной из встреч, как забивал он в Заполярном первый колышек, как всей дружиной взламывали они ледяную броню на перекатах крутонравой Ала-речки, ребята сидели притихшие, растревоженные, увлечённые бесхитростным повествованием непосредственного участника событий о будничном, но таком захватывающем трудовом подвиге. Ведь перед ними был один из героев покорения Заполярья, и это для каждого из ребят значило куда больше, чем прочитанное в книгах, журналах, газетах, услышанное по радио, увиденное по телевидению...

А экономическая конференция, которую задумали и провели педагогический совет школы и совет бригады? Долго искали тему, ломали голову, определяя, что для такой искушённой публики, как нынешние старшеклассники, будет по-настоящему интересно. Всякого ли

привлечёт мероприятие, носящее такое навязшее в зубах название, как «конференция»? Иные фыркнут, скажут: «Опять какая-нибудь тягомотина!» Наверное, надо взять такую тему, которая касалась бы каждого, приоткрывала бы перед ребятами горизонты будущего, причём не какого-то отдалённого и неощутимого, а самого ближайшего, в котором предстоит строить свою жизнь. И родилось, может быть, не очень поэтичное, но вполне конкретное, вызывающее к раздумьям название конференции: «Развитие Кольского полуострова в девятой пятилетке». За этим ясно читалась перспектива для всех: где применить свои силы, на какой податься участок хозяйства, где пригодятся твои руки и знания, где ты нужнее и полезнее?

Готовились к этой конференции как к серьёзнейшему экзамену. Тут ведь и в самом деле проверялась реальная, практическая ценность содружества школы и бригады. Велись переговоры с партийными и хозяйственными руководителями, всё вместе обдумывали, решали, кого пригласить в качестве докладчиков — то ли учёных, преподавателей вузов, то ли практиков, экономистов, кто сможет конкретно, по-деловому нарисовать картину развития северного края, рассказать, каков он сегодня и каким будет завтра...

В вестибюле школы появилось красочное объявление, извещавшее, что ждёт тех, кто придёт на конференцию. А перед её началом был открыт стенд, целиком посвящённый строительству мясокомбината. Этот стенд делали сами ребята: без усталы трудились над ним школьные фотографы и художники. Зато уж получился он на славу — с фотографий глядели знакомые лица наставников, юные фоторепортёры сумели запечатлеть разные трудовые процессы — монтаж сборных деталей, каменную кладку, сварку. Сильное впечатление производила панорама строительства огромного сооружения, которое возводила бригада Владислава Пахомовича Серикова.

Опасения организаторов конференции оказались напрасными. В актовом зале пришли почти все старшеклассники. Торчали в дверях даже любопытные носы тех, кому ещё по рангу присутствовать было пока не обязательно.

Слушать было действительно интересно. И не только старшеклассникам и полной энтузиазма «мелкоте», но и преподавателям. Потому что с развёрнутым, захватывающим рассказом об экономическом росте их родного края выступали люди самые компетентные — крупные хозяйственные руководители области. А речь шла и о строительстве Кольской атомной электростанции, и о дальнейшем освоении подземных кладовых, и о сооружении новых металлургических гигантов, и об увеличении мощности рыболовецкого флота, и о строительстве сети автомобильных дорог, в которых так нуждается эта ещё сравнительно малообжитая земля, — ведь население Кольского полуострова едва достигает миллиона...

В гости приехали болгарские друзья.

Потом, после хозяйственников, выступили Виктор Гуцало и Анатолий Воронин. Неторопливо, с мягким украинским акцентом рассказывал Виктор о том, как пришёл в бригаду, чему научился, какой большой и интересный путь прошёл этот коллектив и какой заметный вклад вложил в развитие экономики Мурманской области. Он говорил о том, какими бурными темпами движется нынче вперёд строительное дело и как это здорово — быть в числе тех, кто строит и создаёт.

— Пройдёт много-много лет, — говорил Виктор, — а то, что мы построили, ещё долго будет служить людям. Значит, не зря мы прожили свою жизнь, оставили на земле добрый след...

А Толя Воронин, этот скромный, застенчивый парень, добавил:

— Я думаю, что строителями Заполярья люди будут восхищаться не меньше, чем строителями египетских пирамид... Только пирамиды — это гробницы царей, созданные руками рабов, а то, что мы делаем, — это для жизни, для каждого человека и для тех, кто будет жить потом...

Кто знает, может быть, в тот день не один школьник принял для себя самое главное, определяющее биографию решение...

Одна из встреч со школьниками была специально посвящена завершению бригадой пятилетнего плана. Сделано это было опять-таки не просто ради проформы. Пусть ребята не только порадуются замечательному достижению своих наставников, но и почувствуют, что и они имеют прямое отношение к их успеху.

И вот состоялся школьный вечер-встреча с рабочими-передовиками бригады, награждёнными орденами и медалями за выдающиеся трудовые достижения. Огромное впечатление произвело на ребят чтение приветственного письма ЦК КПСС соревнующимся бригадам Н. Злобина, В. Серикова и И. Шевцова. А в этом письме, опубликованном во всех газетах, были такие важные слова:

«Дорогие товарищи! Центральный Комитет КПСС, высоко оценивая результаты вашего самоотверженного труда, горячо поздравляет коллективы бригад с досрочным выполнением повышенных социалистических обязательств... Высокие производственные показатели... являются достойным примером для всех строителей и показывают, какими огромными резервами располагает каждый трудовой коллектив, овладевший передовыми методами строительного производства и современными экономическими знаниями».

* * *

Встречи, диспуты стали традиционными. За тем, первым, последовал другой — на тему: «О коммунистическом отношении к труду». Председательствовал на нём руководитель лекторской группы Мурманского обкома партии Владимир Александрович Пожидаев.

Открывая диспут, Владимир Александрович сказал:

— Кто не хочет, не называйте своих фамилий. Не стесняйтесь, говорите всё, что думаете, — отметок никому ставить не будем!

Разговор состоялся честный, доверительный. А вопросы обсуждались непростые, односложного ответа на них не дашь:

— Что важнее в труде — моральные или материальные стимулы?

— Как вы считаете: стяжательство, рвачество — врождённые или приобретённые качества?

— Всякий ли труд полезен?

— Чем отличается станок при социализме от станка при капитализме?

— Почему в нашем обществе труд — главный критерий в оценке человека?

— В чём выражается коммунистическое отношение к труду передовых коллективов?

Были и другие, не менее «заковыристые» вопросы, пищи для споров оказалось более чем достаточно. Горячо отстаивали свою точку зрения старшеклассники Олег Алексеев, Галя Николаева, рабочие Владимир Толстое, Евстафий Кузнецов...

Выступил и Владислав Пахомович Сериков. Заговорил он о школьных

В городском профтехучилище.

делах, о том, станет ли хорошим работником тот, кто плохо учится, и как это опасно для человека с юных лет приучаться всё делать спустя рукава.

Как и рабочих своей бригады, учил школьников Владислав Пахомович тому, без чего нет полноценного человека: аккуратности, обязательности, точности выполнения заданий, самодисциплине, организованности. Никогда не откладывай на потом даже пустяк. Не сделал какой-то мелочи сегодня — значит, эта самая мелочь украдёт твоё завтрашнее время. Стало быть, завтра ты снова чего-то не успеешь, опять отложишь «на потом». И станешь в конце концов таким должником самому себе, что ещё, чего доброго, махнёшь на всё рукой и превратишься в разгильдяя, в неряху, в человека, на которого никак нельзя положиться. А начинается-то всё с пустяка!

Вот и суди: пустяк ли, если ты сегодня просидел вечер у телевизора, смотрел какой-нибудь дурацкий детектив, в котором с первых кадров ясно всё или сюжет построен так, что задай два раза вопрос:

«почему?» — и он весь рассыплется, а вместо этого не прочитал хорошую книгу, не до конца сделал домашнее задание, не пошёл на математический конкурс. Такой «пустяк» обязательно отзовется потом, потому что нет на свете ничего ценнее, чем время. А летит оно быстро, отсчитывает минуты и годы, как на автомобильном спидометре, незаметно и жестоко мстит тем, кто не научился его ценить.

Сериков знал всё это по собственному опыту. Он накапливал свой немалый багаж знаний жадно, но урывками. Всюду — и в армейской казарме, и в целинном вагончике, и в замороженной палатке в тундре — его постоянными спутниками были книги. В них находил он ответы на вопросы, которые, не скупясь, ставила перед ним жизнь. Книги стали для него главными советчиками, той силой, которая заставляла работать воображение, будила творческую энергию.

... Благодаря коллективному наставничеству совсем по-новому сложились отношения между школьниками и учащимися ГПТУ. Ведь, сказать по правде, какое было раньше отношение к профтехучилищу? Дорога туда — только хулиганам да троечникам. Какой, мол, порядочный выпускник средней школы пойдёт учиться на столяра или на сварщика? А шефы доказали школьникам, что вовсе это не прибежище неудачников, а, наоборот, хорошая стартовая площадка для толковых и настойчивых людей.

Шефы подсказали администрации училища: а вы пригласите к себе ребят из школы, пусть увидят, как вы тут живёте и чему учите. Так и сделали. И когда впервые пришли школьники в ГПТУ, учащиеся выложили перед гостями свои учебники. Те только ахнули: оказывается, учебников здесь требуется гораздо больше, чем по школьной программе, — добавляются технические и специальные дисциплины. А потом хозяева повели их показывать училище. Гостям очень не хотелось уходить из учебных мастерских, где выпускается самая настоящая товарная продукция: слесарные инструменты, школьная и детсадовская мебель — да ещё с фанеровкой! — и много других полезных вещей. Сильное впечатление произвело на школьников то, что 33 процента от выработанной продукции учащиеся получают наличными. Много ли, мало ли, но это первый реальный шаг к самостоятельности. А кто из шестнадцатилетних не мечтает поскорее стать взрослым?

Резюмируя, Виктор Иванович Митрягин говорит:

— Ребята из школы начинают понимать, что профтехучилище — это вовсе не то учебное заведение, куда поступают «на худой конец», а верный путь для выбора жизненного пути, для всего последующего роста. Если уж говорить практически, то после окончания профтехучилища, когда у молодых людей, уже имеющих в своих руках профессию, определяется твёрдый взгляд на своё будущее, им легче поступить и в высшее учебное заведение — ведь им засчитывается производственный стаж.

Мы стараемся дать своим воспитанникам такую профессиональную подготовку, которая свела бы до минимума период становления молодого рабочего как специалиста своего дела уже на его постоянном рабочем месте... Разве это малоценно?

Трудно не согласиться с Виктором Ивановичем. Да и сама практика жизни убедительно подтверждает его правоту. Потому что именно в соприкосновении с реальной действительностью ребята и приходят к выбору пути. И в этом им помогают старшие.

Теперь никого не удивляет, что чуть ли не каждый день на стройплощадке можно встретить школьников и учащихся профтехучилища. И они здесь вовсе не гости, не заезжие экскурсанты, а деятельные участники. Вот в этих условиях и совершается, может быть, самое главное, что касается профориентации.

Мастер производственного обучения Сергей Александрович Железков рассказывает, как 32 питомца училища весь день работали на строительстве мясокомбината. Валил снег, свистел пронизывающий ветер, а ребята в полусумраке начинавшегося полярного дня трудились на открытой площадке наравне со старшими, будто век только этим и занимались. Лучший сварщик бригады Миша Сытник спокойно доверял им действовать электросварочным аппаратом, подбадривал весёлой шуткой. Ребята подавали кирпич, дружно трамбовали полы в главном корпусе будущего комбината, со всех ног бросались туда, где требовалась их помощь...

Они видели: никто из рабочих не позволяет себе что-нибудь делать по принципу лишь бы сошло; видели, с какой придирчивостью и строгостью принимает их работу Владислав Пахомович. И уж тут волей-неволей сделаешь выводы, как надо относиться к своим обязанностям.

После смены, солидно покашливая, разминая плечи, шли ребята со стройки вместе со своими учителями, одной бригадой. А по дороге говорили обо всяких делах, ругали поставщиков, которые сегодня опять задержали доставку деталей, о неудачах нашей футбольной сборной, о новом польском фильме, который только-только появился на экранах города... Да мало ли о чём могут говорить после трудовой смены рабочие люди!

... Теперь, когда поднялись во всей своей красе огромные корпуса комбината, в цехах которого хоть стадо слонов размещай со всеми удобствами, ребята невольно гордятся: хоть малый, но и их вклад есть в строительстве этого крупнейшего сооружения девятой пятилетки.

Рабочим бригады нравилось, что есть у них теперь паренки и девчонки, о которых надо заботиться, приучать к делу. Так уж устроено на земле, что старшим непременно нужен подопечный, чтобы передать ему своё умение и опыт, а уж дальше пусть сам прокладывает дорогу. Наверное, поэтому и возник естественный контакт между старшими и младшими.

У многих в бригаде обнаружили настоящие педагогические

способности. А Юрий Берг стал своего рода «специалистом» по трудным подросткам. Как-то у него получилось, что отбившиеся от рук ребята сами шли к нему. А после «душеспасительных» бесед происходило в них нечто такое, чему удивлялись даже учителя: менялись ребята, менялись к лучшему! Может быть, заражал их Юрий своим жизнелюбием, своей цельностью, ясным и простым взглядом на жизнь. Юрий и сам увлёкся работой в подопечной школе, с охотой выступал на школьных собраниях и не боялся брать для этого довольно сложные этические темы...

Судьба подростка... Будущее человека... Где, когда, в какой миг решается, как сложится дальнейшая его жизнь, пойдёт ли он по столбовой дорожке творческой полнокровной деятельности или останется на обочине, ничего не достигнет, не раскроется для людей? А может быть, и того хуже — изберёт кривые тропинки?

Кто знает, что случилось бы с Сашей Ш., не окажись рядом с ним умные, щедрые душой люди. А произошла с мальчишкой большая беда. Был он из тех «трудных» учеников, с которыми больше всего мыкаются в школе. В дневнике — сплошной частокол. Был он первым и самым изобретательным срывщиком уроков, да и вообще не часто жаловал класс своими визитами. Кончилось дело тем, что бросил Саша школу, полагая, что вольная жизнь куда веселее логарифмов.

Но вольной жизни, конечно, не получилось. Да и сколько она стоит, эта самая «вольная» жизнь? Завертели Сашу приятели из подворотни. Совершили они тяжкое преступление — убийство. Счастье, что Саша не имел к нему прямого касательства и проходил по уголовному делу лишь как свидетель. И вот там, в зале суда, под жёсткими взглядами судей и прокурора, он вдруг с ужасом почувствовал, над какой бездонной пропастью висел всё это время...

Мальчишку направили учиться в профтехучилище № 14. Пошёл он учиться, прямо скажем, без энтузиазма. Глядел на всех затравленно, диким зверьком, на самое малое замечание взрослых отвечал дерзко. Но взрослые понимали: что-то неладно с парнем и надо хорошенько разобраться в его озлобленности на весь мир.

Объяснение оказалось довольно обычным — тяжело ему жилось в семье. Пьянство, постоянные скандалы между родителями. Саша вечно был голоден, плохо одет. И срывал он горькую свою обиду на окружающих — колотил тех, кто послабее, грубил старшим. Хотелось быть ему вольным казаком, которому всё нипочём. Всё это и погнало парнишку из дому, заставило искать иной жизни на улице. А о жизни, которая встретила его там, мы уже знаем.

К учёбе в профтехучилище отнёсся он как к очередному наказанию. А тут ещё извечный его враг — математика! Опять логарифмы, а в недалёком будущем — грозный и непостижимый бином Ньютона. И снова заартачился — не буду учиться!

Виктор Иванович Митрягин привёл Сашу в столярную мастерскую. Стоял здесь негромкий говор, поскрипывали рубанки и фуганки, летела на пол свежая стружка. Над верстаками пытели Сашины ровесники в чёрных форменных рубашках.

— Это что же, я должен строгать?— заносчиво спросил Саша.

— Сам решишь, должен или не должен, — сказал Виктор Иванович и повёл его в другую мастерскую.

А там уже не просто строгают. В большой комнате стояли станки, у которых суетились ребята, заправляли в них бруски и доски, и станки, весело жужжа, выстреливали готовые, вкусно пахнущие деревом детали. Ребята их тут же подхватывали и передавали к верстакам — на сборку. Тут только увидел Саша, что получаются из этих деталей столы и шкафы, школьные парты и книжные полки. Митрягин с удовлетворением заметил, что в глазах парнишки промелькнул интерес.

— Между прочим, чертежи на всё это сами ребята делают, — сказал он. — Только вот без математики тут не обойтись...

В другой день Саша со своей группой пошёл в гости к шефам — в бригаду Серикова. Митрягин потихоньку наблюдал за ним: мальчишка заворожено смотрел, как действуют сварочным аппаратом. Приметил старший мастер и то, что со стройплощадки Саша ушёл последним...

Митрягин рассказал о нём комсомольскому секретарю бригады, бывшему североморскому моряку Анатолию Прохоренко. Тот понял его сразу, без особых разъяснений.

— Глаз с него не спустим! — пообещал он старшему мастеру.

С тех пор появились у Саши новые друзья. На этот раз настоящие. Сам того не замечая, стал он подражать энергичному, волевому Юрию Бергу — мастеру на все руки. А тот, не жалея времени, учил его действовать и мастерком, и вибратором, и сварочным полуавтоматом...

Ничего не говоря Саше, Юрий побывал у него дома. Парнишка удивился, что с некоторых пор его не отпускали в училище без завтрака. А в училище Берг вообще был своим человеком, и никого не удивляло, что он непременно интересовался Сашиными учебными делами. По математике у того по-прежнему тянули свои худосочные шеи двойки. Берг не ругал его. Просто беззлобно подшучивал:

— Да, брат, Лобачевского из тебя явно не получится... А жалко, я-то думал, ты мне в институт поможешь поступить...

Саша фыркал, но на ус мотал. Вскоре научился он ловко столярничать. А когда к человеку приходит добросовестность, у него обязательно и другие дела выправляются. Так и у Саши вышло — худосочные отметки пошли на убыль. Юрий сказал ему по этому поводу:

— Вот видишь, это ведь только ленивые люди математику не любят. Давай, брат, нажимай дальше!

И Саша «нажимал». Теперь и Виктор Иванович Митрягин, и Юрий Берг, и Владислав Пахомович Сериков, который был, конечно, в курсе дел

В выходной день. Отдыхать — всей бригадой.

проводившейся «операции», — все были за парня спокойны: не свернёт с дороги, получится из него хороший рабочий человек.

* * *

Встречи в школе, в училище, на стройплощадке... Но были и другие встречи, которые оказались не менее важными для всех трёх участников коллективного наставничества. Тут речь пойдёт об эстетическом воспитании заинтересованных сторон.

Это тоже был вопрос, который всерьёз волновал всех участников педагогического эксперимента. Какую избрать для этого форму? Затеять серию лекций? Неплохо, конечно. Но тогда слушатели останутся лишь пассивными участниками, а надо совсем другое: сделать так, чтобы и рабочие и ребята не просто получали какую-то культурную информацию, но и научились бы её применять, развивать свой вкус, постигать тонкости искусства, литературы. Опыт подсказывал: всем вместе пойти в театр, а потом обменяться мнениями о спектакле.

Словом, организовать нечто вроде диспута.

Для начала выбрали спектакль «Клоп» В. Маяковского. Всем посоветовали перечитать пьесу, полистать кое-какие книги, чтобы на обсуждении спектакля быть не безоружными. И однажды зрительный зал Мурманского областного театра заполнили рабочие и работницы бригады с жёнами и мужьями, школьники, учащиеся профтехучилища и преподаватели учебных заведений.

Со сцены вновь прозвучало страстное слово революционного поэта, разоблачавшего мещанство, ещё в первые годы после установления народной власти предостерегавшего против той страшной опасности, которую таит в себе оно для нового общества.

Когда кончился спектакль, артисты не ушли за кулисы, а спустились в зал. Началась зрительская конференция. Поначалу её организаторы побаивались: а получится ли разговор, не смутит ли рабочих и ребят непривычная обстановка, присутствие актёров? Может быть, помог опыт проведения диспутов на рабочую тему, может быть, сам спектакль задел всех за живое, только недостатка в желающих высказаться не было. Все, кто хотел, свободно делились своими впечатлениями, не боясь обидеть артистов и постановщиков своими замечаниями. Рабочие, учителя, ребята свободно заговорили о достоинствах и недостатках спектакля, о проблемах, в нём поставленных...

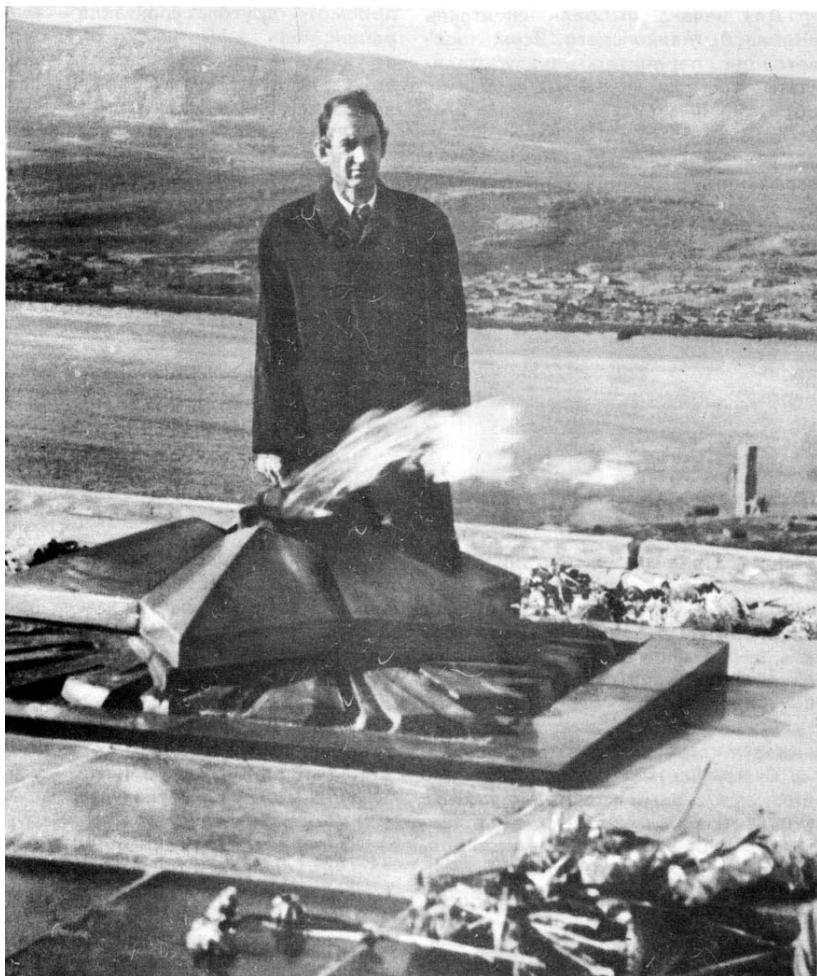
Заметный след оставила эта конференция в памяти её участников. А затем последовал коллективный просмотр другого спектакля — «Барабанщица» А. Салынского. И снова большой разговор о силах человеческой души, о высокой нравственности советского патриота.

Оба эти культпохода сыграли немаловажную роль в укреплении дружбы бригады с молодой сменой. И пусть суждения участников зрительских конференций не отличались профессиональной зрелостью театральных критиков, важно было то, что, соприкоснувшись с духовными ценностями, ребята наравне со взрослыми могли отстаивать своё мнение. А с этого, собственно говоря, и начинается человеческая личность...

Общаясь с учителями школы, с преподавателями училища, Сериков и его товарищи всё больше проникались чувством ответственности за будущее своих подопечных. Они приходили к выводу, что нужно не только дать ребятам профессиональный импульс, с которым пойдут они по жизни, но ещё и научить их ценить всё то, чем пользуются они сегодня, помочь им понять, какой большой кровью и громадным трудом всё это завоевано, а короче говоря, помогать школе растить истинных патриотов Родины.

... Высоко в сопках застыл в вечном каменном молчании русский солдат. Видна его монументальная фигура отовсюду. Словно страж советского Севера, несёт он нынче свою бессменную вахту. «Мурманский Алёша» — так называют этот памятник героям-бойцам, отстоявшим

У Вечного огня.

наше Заполярье от вражеского нашествия.

Нынешние семнадцатилетние и представить себе не могут, как сражались здесь, в заснеженных сопках, их ровесники, какую тяжесть вынесли они, сдерживая натиск бронированных фашистских полчищ и принимая на себя сокрушительные удары чернокрылой авиации. И сколько же их полегло в этих сопках, сколько талантливых, жизнерадостных парней сложили здесь головы, чтобы не отдать врагу ни пяди родной земли!

В Мурманском краеведческом музее бережно собраны реликвии героической обороны Заполярья. Почти безобидными кажутся современному человеку, живущему в эпоху межконтинентальных ракет, тронутые ржавчиной обыкновенные винтовки, покрытые зеленой тупоносые стволы пулемётов, чуть ли не игрушечные жерла сорокапятков, плоские коробки мин. Но каким грозным оружием они были в своё время и какую верную службу сослужили они нашему народу в минувшей великой битве!

Уж более трёх десятков лет отшумело с тех пор, с того незабываемого порохового времени. Только память о нём с каждым годом становится всё острее, всё значительнее представляются события, разворачивавшиеся на самой северной границе страны.

В бригаде Серикова бывших фронтовиков почти нет. Но и ветераны войны, и те рабочие, кого миновали фронтовые бури, несут слово о Великой Отечественной своим юным друзьям — в школу и профтехучилище. Потому что видят в этом свой долг старших.

И никто тут не может соперничать с Фёдором Ивановичем Соляником. Ведь в годы войны был он командиром партизанского разведывательного отряда, действовавшего в лесах Белоруссии. Стоит ему только начать рассказывать, как тут же его тесным кольцом окружают ребята...

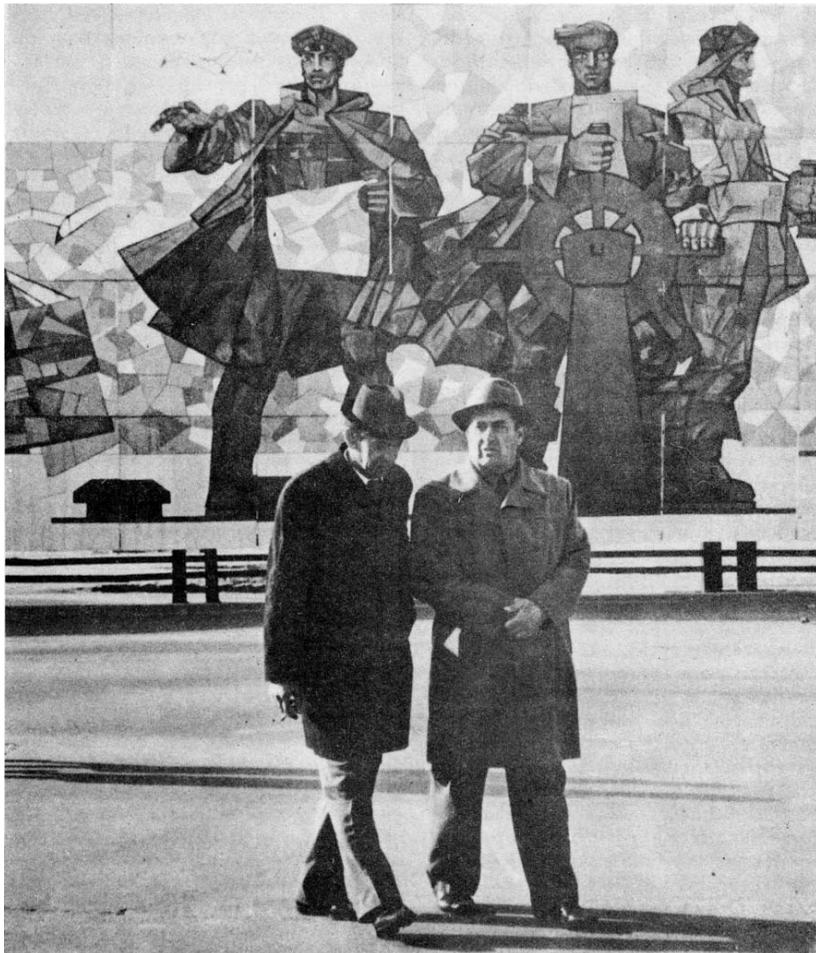
Давайте и мы послушаем рассказы бывалого разведчика.

Войну Фёдор Иванович встретил кадровым офицером. Служил в сапёрной части в Прибалтике. В первых же боях был ранен и угодил в плен.

Попал он в Витебский госпиталь, где лежали советские раненые. Лечили их наши же врачи, а раз в неделю приезжал инспектировать госпиталь врач-немец. Наверное, рассчитывали враги поставить раненых бойцов на ноги и сделать их предателями. Но все пленные только и думали, как бы бежать, и Фёдор Иванович отлично об этом знал. Он лежал на госпитальной койке и ломал голову, когда и как можно осуществить побег. Госпиталь охранялся строго. Для начала нужно было выздороветь, набраться сил.

В таких ситуациях верный помощник — случай. И он пришёл. Оказалось, что врач-немец — большой любитель шахмат. А у Фёдора Ивановича по шахматам был первый разряд. Сыграл он с немцем партию, нарочно вничью. И... получил назначение на кухню. Очень это было на руку! Не только подкрепил свои силы,

Есть о чем поговорить бригадиру со своим старым другом Фёдором Ивановичем Соляником.

но и всю палату подкормил Фёдор Иванович!

А потом последовало новое назначение: послали его в рабочую команду — печки ремонтировать, дрова заготавливать. Совсем не худо, потому что это давало кое-какую свободу передвижения. А к зиме ещё и фуфайки выдали со старого армейского склада.

Вместе с Фёдором Ивановичем бежать решили шестнадцать человек. И вот однажды к концу дня они собрались в помещении рабочей команды. Им повезло: караульную службу несли здесь в тот вечер не два солдата, как обычно, а один, да и тот, видно, из резервистов — пожилой, в очках.

— Ну, ребята, — шёпотом сказал Фёдор Иванович, — другого такого момента не будет!

Набросились они на солдата, в рот — кляп, выхватили у него автомат, гранаты — и ходу в лес.

Бежали без передышки всю ночь, а на другой день устроили на просёлочной дороге засаду. Вскоре показалась грузовая машина с единственным солдатом в кабине. Тогда фашисты партизан ещё не боялись... Полетела под колёса грузовика граната, резанула по ветровому стеклу короткая автоматная очередь — и всё было кончено. Трофеи оказались неожиданно богатыми, как по заказу: еда, одежда, валенки и, самое главное, оружие! Теперь это уже был хорошо вооружённый отряд.

Они двинулись в сторону фронта, совершая мелкие диверсии, нападения на мотоциклистов. Отряд быстро обростал окруженцами и теми, кто ушёл от оккупантов в леса. Вскоре отряд уже насчитывал около пятидесяти человек и... восемь пленных немцев. Фёдор Иванович решил перейти линию фронта не с пустыми руками.

Глухими лесными тропами, «накупавшись» в болотных топях, обросшие густыми бородами, они добрались наконец к своим. Это была первая страница партизанской биографии Фёдора Ивановича Соляника.

В декабре 1942 года во главе группы хорошо подготовленных разведчиков, снабжённой рацией, взрывчаткой, магнитными минами, он был переброшен через линию фронта. Перед отправкой начальник дал командиру группы чёткое задание:

— Ваша главная цель — поднимать партизанское движение, распространять листовки, организовать разведку. Запомните, это главное! В бои старайтесь не вступать, не привлекать к себе внимание.

Да, легко сказать: «В бои не вступать». А как не вступать, когда у каждого из семнадцати душа рвётся от ненависти и боли, когда кругом — сожжённые врагом деревни, Когда на телеграфных столбах — повешенные фашистами советские люди?

И они громили вражеские обозы, подрывали штабные машины, уничтожали мелкие гитлеровские гарнизоны, взрывали склады, разрушали железнодорожные пути, рвали коммуникации.

Группа прошла сотни километров по захваченной врагом родной земле.

Чуть ли не в каждой деревне к отряду присоединялись по двадцать–тридцать человек из бежавших пленных, бывших окруженцев, местных жителей, но Соляник шёл лишь на небольшое увеличение своего отряда, отбирал только тех, кто заслуживал полного доверия. Он не мог рисковать судьбой отряда, памятуя о главной задаче, поставленной перед ним командованием. В Центр непрерывно поступали разведданные, на своём пути группа составила 18 крепких партизанских отрядов, которые потом выросли до бригад.

В 1943 году в Белоруссии были уже обширные партизанские районы. В одном из таких районов, где действовал отряд Соляника, окопался хорошо защищённый фашистский гарнизон. Враги поставили многорядовые проволочные заграждения, заминировали все подходы. Сколько ни пытались партизаны разбить гарнизон, дело кончалось неудачей. А расположился он в центре партизанских коммуникаций, и избавиться от него было жизненно необходимо.

Решать эту сложную задачу взялся Фёдор Иванович со своей группой. «Не силой, так хитростью, а возьмём гарнизон!» — так сказал Соляник своим ребятам. Опытный разведчик, он сумел наладить связь с комсомольцами деревни и вместе с ними разработал план.

Дело в том, что молодёжь села посылали в лес за сеном под охраной полицаев и бронетранспортёра. Солянику сообщили день, когда за сеном из деревни выйдет семьдесят подвод. И операция началась...

Подводы прибыли на лесную поляну. Тут девушки-комсомолки, ехавшие в этом обозе, достали самогонку, всякую снедь и закричали:

— Давайте, хлопцы, сюда! Пикник будет!

Полицаи не заставили себя уговаривать. Даже немцы вылезли из бронетранспортёра, чтобы принять участие в пиршестве.

А поляна уже давно была окружена отрядом Соляника, который насчитывал в то время больше ста человек. Только немцы и полицаи опрокинули в глотки по стакану хмельного напитка, на поляну выскочили партизаны-разведчики. Враги опомниться не успели, а бронетранспортёр так и остался в кустах.

Когда день пошёл к закату, подводы, нагружённые сеном, двинулись назад, в деревню. Сзади громыхал бронетранспортёр, только за рулём его сидел не немец, а один из разведчиков. На подводах под сеном затаились партизаны. Вот они уже на деревенской улице. В окно комендатуры полетела связка гранат, тут же обрезали телефонный провод, чтобы враги не могли вызвать подкрепление. Буквально через несколько минут весь фашистский гарнизон был уничтожен.

Партизанам достались богатые трофеи — много вооружения, в том числе тяжёлого, одежда, более трёхсот голов крупного рогатого скота, отобранного оккупантами у населения, склад с продовольствием.

Подводы снова двинулись в лес. К партизанам уходили все жители

села. А немцы так больше и не сунулись в эту деревню — гарнизон перестал существовать...

И ещё один интересный эпизод рассказывает ребятам Фёдор Иванович.

Было это под Оршей. Однажды боевое охранение его отряда во время перехода наткнулось на партизанский разъезд, несший караульную службу.

— Кто такие, откуда? — поинтересовались караульные.

— Мы советские, — ответил Фёдор Иванович. — А вы чьи?

— И мы советские, — улыбнулись партизаны. — Пойдёмте в гости.

Из командирской землянки вышел высокий темноволосый человек в железнодорожной шинели, крепко пожал Солянику руку. Командиры поговорили накоротке о делах, высокий объяснил обстановку, посоветовал, как двигаться дальше, пожелал боевых успехов. Только потом узнал Фёдор Иванович, что это был легендарный герой партизанского движения Константин Заслонов...

Вот какие истории рассказывает молодым один из ближайших помощников Владислава Пахомовича Серикова, скромный солдат Великой Отечественной войны Фёдор Иванович Соляник. И после этих рассказов совсем по-иному смотрят ребята на боевые ордена и медали на его груди.

... Опытном бригады Серикова по воспитанию молодой смены заинтересовались разные организации, в том числе Академия Министерства внутренних дел СССР. Владислава Пахомовича пригласили на собрание академии. Учёные разбирали сложную проблему: социальные причины правонарушений и профилактика борьбы с преступностью. Их глубоко заинтересовал опыт коллективного наставничества, потому что цифры и факты свидетельствовали: милиции почти не приходится иметь дело с учащимися 44-й мурманской школы и 14-го городского профтехучилища строителей.

Владислав Пахомович охотно выступил перед учёными, подробно рассказал о том, как осуществляется коллективное наставничество. Как всегда, говорил образно, интересно, убедительно, со свойственным ему юмором.

— Я молодым ребятам одну загадку загадываю, — лукаво сказал он.

— Вот жил в одном селе семидесятилетний печник. Сделает печь, испробует. Отличная вышла печь, так жаром и пышет. Все хвалят старика, и он радуется. «Ну, дед, получай, сколько тебе причитается», А он рукой машет: за такую, мол, красивую работу грех деньги брать! Но вот сложит он другую печь. Неважная получится — ведь во всяком деле раз на раз не приходится. И дымком от неё несёт, и греет не так. Вот тут дед, сам собой недовольный, требует денег. «Я, говорит, за рабский труд должен получить!» Вот я и спрашиваю молодых ребят: как, мол, какое у деда отношение к труду — коммунистическое или нет?

Слова Серикова покрыл общий смех, а он уже серьёзно добавил:

В том-то и дело, что надо у молодых пробуждать видение

По делам.

красоты труда, самое глубокое уважение к его качеству. Тут и берёт начало коммунистическое отношение к труду...

А эти слова все присутствовавшие — учёные, руководители министерства, работники просвещения — встретили долгими и горячими аплодисментами.

В конце заседания выступил сам министр — Николай Анисимович Щёлоков. И вдруг предложил он: избрать Владислава Пахомовича Серикова членом учёного совета академии. Иные из собравшихся были несколько ошеломлены: как так, человека, не имеющего высшего образования, — и членом учёного совета академии!

Но министр рассеял сомнения: ведь наука-то и рождается в самой гуще жизни, её творят люди, и в первую очередь — такие народные таланты, как Владислав Пахомович Сериков. И все проголосовали за избрание его членом учёного совета.

Впрочем, сомневавшиеся, наверное, не знали, что бригадир строительной бригады не только практик. Не так давно был подготовлен доклад, который называется так: «Коллективное наставничество. Опыт, размышления, выводы». Это самое настоящее теоретическое исследование, и было оно представлено на кафедру Мурманского педагогического института. Авторы доклада В. П. Сериков — бригадир комплексной бригады, Герой Социалистического Труда, и В. В. Сериков — ассистент кафедры педагогики и психологии Мурманского государственного педагогического института, отец и сын. Так что, думается, правильно избрали Владислава Пахомовича в учёный совет.

А в этом интереснейшем докладе, в котором подробно рассматривается каждая сторона коллективного наставничества, приводятся и важные практические данные.

«Каковы итоги эксперимента? Ответить на этот вопрос ещё рановато. Результативность воспитательного процесса не всегда удаётся оценить в цифрах. Сухие показатели — слишком упрощённый способ анализа нравственного роста личности. Но факт остаётся фактом: если в 1973 году в ГПТУ-14 поступило лишь два процента восьмиклассников, то в 1974 году — четвёртая часть. Среди принятых в училище учеников треть успевают на «4» и «5» по итогам окончания восьмилетки. Раньше в ГПТУ поступали только троечники».

Заканчивая рассказ о коллективном наставничестве, хочется привести и такие факты. В школе учреждены два кубка имени бригады Героя Социалистического Труда В. П. Серикова — для старших и пионерских классов. Завоевать эти кубки не так-то просто: строго учитывается успеваемость, дисциплина, общественно-полезная деятельность. И уж соревнуются ребята за право обладания кубком со всем пылом. Вручается он в торжественной обстановке, в присутствии прославленного бригадира и его товарищей. А в профтехучилище проводится конкурс на право работать после окончания курса в знаменитой бригаде. Ежегодно выделяется

для победителей конкурса четыре места. Ясное дело, что за почётное право идёт нешуточная борьба, и получают его самые способные, самые трудолюбивые, самые деятельные.

Вот какие добрые плоды приносит эта замечательная дружба старших и младших.

* * *

Много дней и вечеров провели мы с Владиславом Пахомовичем. Поговорить с ним — всё равно, что прочитать хорошую, увлекательную книгу. В его речи, яркой, своеобразной, то и дело встречаются афоризмы. Собственно, даже не афоризмы, а мысли, к которым он пришёл в результате своего богатого, полного событий и испытаний жизненного опыта, всего того, что пришлось ему передумать и пережить. И вот, пожалуй, главное, что вынес он из этого многотрудного опыта:

«В наше время нужен только высший уровень. На среднем большого дела не сделаешь».

Он так и трудится со всем своим коллективом — по высшей мерке. По этой мерке и строит всю свою жизнь. Недавно на его груди засияла золотом ещё одна медаль. Владислав Пахомович удостоен высокой правительственной награды — он стал лауреатом Государственной премии. Коммунисты Мурманска назвали его своим делегатом на XXV партийный съезд...

Однажды Сериков ехал в Мурманск в фирменном поезде «Арктика». Попутчиком его оказался седой интеллигентный человек, как потом выяснилось, профессор университета. За стаканом дорожного чая они говорили об астрономии, о хибинских минералах, о литературе.

— Кто ваш любимый писатель? — поинтересовался учёный.

— Джек Лондон, — без колебаний ответил Сериков. — Он мне сродни по духу...

Когда приехали в Мурманск, профессор, прощаясь, спросил:

— Извините за нескромность: я вот всё гадаю — кто же вы по профессии, если не секрет?

— Не секрет, — улыбнулся Владислав Пахомович и гордо сказал: — Я рабочий. Строитель...

Сериков не зря назвал великого американца. В своё время, в пору юности, герои Лондона — славные, храбрые до безрассудства — не могли не овладеть его пылким воображением. Но с годами, пройдя большой и суровый путь, Сериков усвоил, что романтика белого безмолвия только потом становится романтикой, когда всё уже позади. И нужно многое в себе преодолеть, как Смок Беллью, чтобы добиться своего, стать сильным и негибаемым. И ещё очень важное понял он: что в том обществе, в котором Смок Беллью жил и боролся за своё место под солнцем, его поступками двигали совсем иные пружины. Он был героем-одиночкой, жаждущим достичь цели лишь ради себя самого. И это определяло всё.

Владислав Пахомович вырос и сформировался как личность в том обществе, где во всей своей чистоте и величии действует самый благородный закон нашей жизни: «Один за всех, все за одного». Потому и неразделимы Сериков и его дружина, потому и успехи их — не улыбка фортуны, а закономерность.

Они сроднились с суровой, но прекрасной природой Заполярья. Привыкли к короткому, как школьные каникулы, лету, которое, едва начавшись, спешит к лютой зиме. Своими руками, умом и талантом они продолжают вписывать всё новые страницы в историю покорения Севера. Долгой полярной ночью им салютуют сполохи северного сияния.

Мурманск—Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первое испытание. — Страницы семейной биографии. — Дуэль на берегу Дона. От отца к сыну 3

ГЛАВА ВТОРАЯ

Солдатские будни. — Его призвание — строитель.— В тундре высаживается десант. — Даёшь Заполярный и Аларечинск! — Золотая Звезда. — Палатка в Мурманском музее 10

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сериков идёт на риск. — «Старички» собираются снова. — Всё держится на волоске. — Плохо ли работать хорошо? — Знакомьтесь: Фёдор Иванович Соляник 35

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

А что такое талант? — Вызов принят.— Кто кого?— Звёздное состязание.— Пора формировать строительную дивизию 69

ГЛАВА ПЯТАЯ

Каким будет пополнение? — Бригада — школа — ГПТУ. — История Саши Ш. — Однажды в мурманском театре... — Рассказы бывалого разведчика. — Член учёного совета академии. — На кубок имени бригады Героя Социалистического Труда В. П. Серикова 86

Оцифровано для страницы
Педагогического музея А.С. Макаренко
(Makarenko-museum.ru) в 2021 г.

Нумерация страниц и разбиение текста по ним
с точностью до нескольких слов на границах страниц
соответствует бумажному тексту книги
(для удобства библиографических ссылок).

Для старшего возраста

Виталий Алексеевич Мальков

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Повесть

Ответственный редактор

М. С. Ефимова

Художественный редактор О. К. Кондакова

Технический редактор Е. М. Захарова

Корректоры К. И. Каревская и Н. Е. Кошелёва

И Б 974

Сдано в набор 4/VIII-76 г. Подписано к печати 30/XII-76 г.
Формат 70×90^{1/16}. Бут. офс. № 1. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 8,19.
Уч.-изд. л. 7,12. Тираж 100 000 экз. А 08730, Заказ № 250.

Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Детская литература“, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика „Детская книга“ № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036,

2-я Советская, 7

Мальков В. А.

М 21 **Северное сияние**. Повесть. Оформл. Б. Шляпугина.
Фото А. Гершберга. М.: „Дет. лит.“, 1977.

110 с. с фотоил. („Герои нашего времени“).

Документальная повесть о строителе Герое Социалистического Труда В. П. Серикове и его замечательной бригаде, прославившейся своими трудовыми успехами.

32 С

М $\frac{70803-095}{M101(03)77}$ 293–77

50 лет

ГЕРОИ
НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

